

A sepia-toned portrait of a man in a military uniform and cap, looking slightly to the right. The background of the portrait shows a building with columns.

П.П. Африкантов

Пограничник 41-ГО

Такое
нельзя
придумать

16+

Пётр Петрович Африкантов

Пограничник 41-го

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64665791

SelfPub; 2021

Аннотация

Герой повести в 1941 году служил на советско-германской границе. В момент нападения немецких орд он стоял на посту, а через два часа был тяжело ранен. Пётр Андриянович чудом выжил, героически сражался с фашистами и был участником Парада Победы. Предназначена для широкого круга читателей.

Пётр Африкантов Пограничник 41-го

Записано со слов Африкантова Петра Андрьяновича его сыном Африкантовым Петром Петровичем.

Пролог

Героем этих записей является пограничник Африкантов Пётр Андрьянович. Он 22 июня ровно в 4 часа, стоял на посту, охраняя западную границу СССР, а после окончания войны, стал участником Парада Победы на Красной площади.

Африкантов Пётр Андриянович. Саратов, 1985 год.

В этих записях вы не найдёте описания героических поступков солдата, всевозможных бросков и взятий укрепрайонов. Всё это, конечно, было в его военной жизни, но в нашем повествовании это не самое главное. Главное заключается в простом вопросе, как солдат, получивший тяжелейшую рану в первые два часа войны, которая его почти обездвижила, сумел выжить в этой мясорубке? Там, где был он, не было никаких медсанбатов и санитаров, там никто и никаким транспортом не отправлял в тыл на излечение. Там, столкнулись грудь в грудь на низком берегу неизвестной речушки русские и немецкие пограничники.

Дом в деревне малая Крюковка Татищевского района, откуда был призван на службу в погранвойска П.А. Африкантов. Четыре года не приходили в этот дом от солдата письма. В деревне его считали погибшим. Фото. 1966 г.

Там не были слышны разрывы снарядов и бомб, там нечего было бомбить, потому как кроме столбов (знаков), обозначающих границу СССР, больше ничего не стояло. А драка была не на жизнь, а насмерть. В этом побоище были только слышны отборные ругательства, которые вряд ли найдёшь в словарях мира, лязг штыков, удары прикладов и стоны уми-

рающих. Там не было криков «Ура», там русские и немцы убивали друг друга молча и остервенело. Убивали кулаком, прикладом, штыком, каской, топили в речке, обливаясь своей и чужой кровью. А когда под рукой ничего не было, хватили противника за горло. Вода в речке порыжелала от крови. Солдаты вермахта содрогнулись от увиденного – такого сопротивления они не встречали на границах оккупированных ими государств Европы. Здесь, на этих метрах низкого берега, резалась насмерть горстка пограничников с чужеземцами.

Участник событий рассказывает не о всей границе, охраняемой 86-м пограничным отрядом, а только о том крохотном её участке, на котором он был в дозоре.

Справка

Африкантов Пётр Андриянович родился 12 июля 1920 года в деревне Малая Крюковка Татищевского района Саратовской области в крестьянской семье. Русский. В армию призван осенью 1940 года Татищевским РВК. Участник Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года на Западном фронте и партизанского движения в Белоруссии.

В июне 1941 года – красноармеец, стрелок 17-й пограничной заставы «Скродске» 86-го Августовского пограничного отряда пограничных войск НКВД Бело-

русской ССР. В первый день войны в бою на заставе был тяжело ранен и захвачен в плен. Совершил успешный побег и вступил в ряды партизан.

С 16 октября 1943 года – командир отделения партизанского отряда имени Ф.Э. Дзержинского партизанской бригады имени Ф.Э. Дзержинского Лидского партизанского соединения. За время пребывания в отряде лично взорвал три вражеских эшелона и три железнодорожных моста. В составе отряда в июне-июле 1944 году участвовал в разгроме немецких гарнизонов в Берёзовке и Вересково, во взрыве железнодорожных рельс под станцией Гавья.

С августа 1944 года – шофёр 54-й Отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РГК (полевая почта 71424).

Вот так кратко и деловито гласит документ, присланный мне по электронной почте сегодняшними энтузиастами-следопытами, которые своим огромным трудом продолжают добывать сведения о воинах-пограничниках, принявших первый бой с немецкими захватчиками. Я назову их имена. Это Владимир Анатольевич Тылец из Минска и Александр Васильевич Попов из Саратова.

Полковник погранвойск Владимир Анатольевич Тылец из г. Минска и Александр Васильевич Попов из г. Саратова по крупицам восстанавливали боевую биографию героя-пограничника.

А всё началось с небольшого рассказа «МИ» второй октавы», в котором я описал одну партизанскую историю, рассказанную моим отцом. Этот рассказ был напечатан в журнале «Молоко» за 2015 год №5, из которого А.В. Попов и узнал о Петре Андрияновиче. В то время он уже знал Владимира Анатольевича из Минска, так как занимался поисками своего родственника, тоже пограничника.

С полученной информации из рассказа и начался поиск.

В первую очередь они нашли меня, сына Петра Андрияновича, и попросили прислать номер отряда в котором служил на границе мой отец. Но, ни я, ни моя сестра Анна Пет-

ровна не могли им ничем помочь. Память не сохранила дат, названий, номеров застав, фамилий. Отец в рассказах о военных годах, конечно, всё называл, но мы этого не запомнили и не записали. Нам казалось, отец будет жить вечно и его всегда можно будет об этом спросить.

Но получилось по-другому. Умер этот жизнерадостный, подвижный с ясными голубыми глазами, всегда чисто выбритый и непременно улыбающийся человек. Умер, и оказалось, что мы ничего точно о его боевых делах и службе в армии не знаем и не помним. А тут приходит письмо, к нам, не помнящим и мало знающим, от следопытов, в котором незнакомые люди просят нас помочь хоть чем-нибудь, в поиске свидетельств о боевом прошлом Петра Андрияновича, чтобы им можно было хоть за что-нибудь зацепиться, чтобы оживить память о герое-пограничнике. Тут-то мы ближайšie родственники и поняли весь трагизм положения. Мы стали судорожно перебирать всё, что у нас имелось из бумаг, надеясь, что где-то может быть что-то и заваялось.

Зацепка

И эта, заваявшаяся зацепка нашлась. В старых бумагах увидели характеристику на Петра Андрияновича, выданную ему из части полевая почта 71424. Документ был рукописный хрупкий, жёлтый, а вот печать части оказалась не на сгибе письма, а в центре полосы и хорошо читалась. По ней следопыты и вытащили ту информацию, что я разместил в на-

солдату в части п/п 71424, следопыты смогли найти другие документы.

«Да вы знаете, Пётр Петрович, – восклицает он, что ваш отец лично взорвал три вражеских железнодорожных моста и пустил под откос три эшелона, не считая других дел. Ваш отец – герой, а вы об этом ничего не знаете!»

Да! Мне было стыдно и больно. Стыдно больно и сейчас. Чтобы, как-то оправдать свою нелюбознательность, опираясь на присланную мне информацию и на воспоминания отца, я и начну свой рассказ. Пишу от его имени.

Немного о границе

Наш 86 – й пограничный отряд охраняет границу по Сувалкскому выступу до города Граево. Это 139 километров пресечённой местности. В отряде двадцать застав. Каждая из них имеет участок охраняемой границы. В деревне Скродске расположена моя 17 – я застава. На заставе сорок человек пограничников. На других заставах может быть и больше. Всё зависит от протяжённости охраняемого участка.

Наш пограничный отряд образован только в сентябре 1939 года, а я призван на границу осенью 1940 года. Можно сказать, начало моей воинской службы почти совпало с его рождением и основанием застав. До меня на границе уже было много чего сделано, но и моему призыву тоже досталось.

Граница была совершенно новая. Ведь мы знаем из исто-

рии, что СССР в 1939-ом году присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию. Отсюда и новая граница. Чтоб её обустроить нужно время. А что такое основание

Африкантов Пётр Андриянович в форме рядового стрелка-пограничника. Май 1941 года.

заставы? Отвечаю тем, кто не имеет представления о службе на границе. Граница на карте обозначается линией. Но, это на карте, а на земле она выглядит по-другому. Наш участок границы считается труднодоступным. Это значит, что границу перерезают, овраги, речушки, есть возвышенные и низменные места, заболоченные участки и труднопроходимые лесные чащи.

Мы, под руководством командиров продолжаем обустривать границу: прорезаем пилами и топорами лесные дебри, расширяем просеки, оборудуем дозорные тропы и

Полковник Гурий Константинович Здорный. В начале войны командовал 86-м Августовским пограничным отрядом.

За успешное освоение нового участка границы он был награждён орденом Ленина. Начальник штаба отряда капитан И. А. Янчук за хорошую организацию оперативно-служебной деятельности и боевую подготовку личного состава был награждён орденом Красной Звезды.

полосы, в опасных местах ставим дополнительные заборы из колючей проволоки, устраиваем секреты; в то же время

ходим в дозоры, несём службу в секретах, тайно наблюдая за вверенным участком границы, учимся стрелять, окапываться, маскироваться, преодолевать полосу препятствия, изучаем материальную часть оружия и боеприпасов.

Примерно за две недели до начала войны, когда запахло порохом, мы в срочном порядке отрыли в полный рост окопы и ходы сообщения между ними. И, как говорится, не пожалели об этом. Ведь ходить в дозоры – это одно, а вести бой с превосходящим по вооружению и численности противником – дело совсем другое, нужно где-то укрываться. Тут-то наши окопы нам и пригодились. Сколько спасли они солдатских жизней! При их помощи мы задержали

Карта расположения 17-ой заставы 86-го пограничного отряда со штабом в деревне Скродске. Красными линиями

со стрелками обозначены границы охраняемого участка.

противника на границе не меньше, как на два часа. Немцы отводили на прорыв нашего участка границы всего 15 минут.

Здесь надо сказать ещё вот о чём: ещё до появления наших окопов, через границу переходили отдельные разведчики с той стороны. Каких из них мы задерживали, а кого и нет. Разумеется, они видели, что граница не имеет оборонительной полосы, и докладывали об этом своему начальству. Немецкие военные это учли в своих расчётах, но на практике просчитались. Окопы к их наступлению были готовы.

Раннее утро

Раннее утро 22 июня 1941 года выдалось вполне летним. На границе каждые сутки беспокойно, много перебежчиков. А в эту ночь с 21 на 22 июня особенно. Я несую охрану государственной границы СССР в тот момент, когда немцы через несколько минут начнут переходить границу и пойдут в атаку на наряд пограничников. Но, ни я, ни мои товарищи об этом ещё не знаем. Мы не знаем, что мы первыми примем бой с фашистами. Наши наряды усилены. То и дело вижу фигуру младшего замполита. Он нервничает, часто глядит на часы и ударяет по голенищу сапога зелёной веткой.

Вдруг в небе что-то загудело. Это самолёты. Гуд приближается. Вот он уже над нами. Вглядываемся в небо. Бомбардировщики. Гуд их моторов заполнил всё окружающее про-

странство. Казалось, что в небе нет ни одного метра, где бы, не летел немецкий самолёт. Было очень рано, и они были видны не совсем чётко. Бомбардировщики мне кажутся зловещими теньями на просыпающемся небе среди крон деревьев.

В городе Августове находился штаб 86-го пограничного отряда. В настоящее время это город в Польше.

Самолёты пролетели и улетели, затем на той стороне мелкой речушки, по которой проходит в этом месте граница,

кто-то плюхается в воду.

Здесьние речки не похожи на Саратовские. Они низменные, питают окружающие торфяники и болота, часто соединяют болота между собой, потому узкие, мелководные, с топкими берегами. Воды, в этой речушке, что перед нами – не выше колен, зато тины предостаточно.

Нарушитель, весь в водорослях и тине кричит по русски: «Сейчас на вас нападут немцы, это война!!! Слышите! Это Война!».

Он, судя по одежде, польский крестьянин. С него течёт со свинцовистым отблеском грязь, а храбрец быстро и возбуждённо говорит, что немцы с минуты на минуту пойдут в атаку, у них приказ, солдаты ждут обозначенного часа, их много!

Этого крестьянина и других перебежчиков сразу уводят на заставу. Такие перебежчики, были и вчера, и позавчера. К ним за последние дни мы привыкли. Но к огромному количеству перелетевших через границу самолётов, привыкнуть нельзя.

Начало войны

Я стою на посту и изо всех сил вглядываюсь в противоположный берег мелкой речушки. Её берег порос низкорослым, по пояс, кустарником, за ним высокий лес. Оттуда только что, перебежал через границу поляк. Пока всё тихо. В голове кружатся мысли: «А может быть, этот поляк и правду

говорил про войну? Только другие перебежчики говорили то же самое, но война не начиналась. Лучше б они и не перебежали, стоишь и нервничаешь, всё время ждёшь нападения». Внутренне сосредоточиваюсь. Минуты кажутся часами и вот оно началось.

На противоположный берег, выходят немцы, их немного. Они не торопясь, спускаются к воде, переходят речушку и движутся в нашем направлении.

Немцы не стреляют. Мы не стреляем тоже. Слышен голос политрука: «Не стрелять! Это провокация. Немцы сейчас повернут назад. Кто выстрелит в немецкого солдата – враг народа». В руках у него пистолет. Мучает вопрос – провокация это или нет? Возможно, политрук прав, такие провокации уже были. Немцы по два, три человека уже приближались к нашей границе и, не переходя её, уходили. Так те не переходили рубеж, а эти перешли. Почему политрук приказывает не стрелять? Чего он ждёт? Возможно, есть какой-то приказ сверху, о котором мы не знаем, или не хочет стать причиной военного конфликта?.. Нервы на таком пределе, что любой треснувший сучёк может стать сигналом к атаке. Что ж, раз нельзя стрелять – будем драться так.

Мы, с винтовками, наперевес, как по команде, выбегаем немцам навстречу и сталкиваемся с ними грудь в грудь, завязывается драка. Её ещё нельзя назвать рукопашным боем.

Рукопашная. Реконструкции боя на участке 86 –го пограничного отряда. (Битва оружейников. Пулемёты. Фильм 8.) Скриншот.

Мы просто пытаемся прикладами винтовок и собственными телами вытолкать непрошенных гостей со своей земли. Немцы пьются, такого напора они не ожидали. У прибрежной кромки воды выталкивание переходит в кровавую рукопашную.

Дерёмся мы и немецкие пограничники; я узнаю их по форме. Мы нередко встречались с ними, будучи в нарядах, и издали приветствовали друг друга, а сейчас мы приветствуем их прикладами, штыками и кулаками. Бьём тех, кто сто-

ит на ногах, кто бьёт нас. Кто ползает по земле в полуобморочном состоянии без каски – не в счёт; не в счёт и те, кто бросил карабин и пытается перебраться на другую сторону речки, судорожно хватаясь за прибрежную траву и склонившийся к воде кустарник. Они уже не бойцы. Воинственный арийский дух их оставил.

Да – мы отчаяннее. Да – мы напористее. Да мы сплочённее и злее и наши приклады и штыки чаще достигают цели. Раз захотели рукопашной, то получите, мы – не против. Отражаю удары прикладом: один удар, второй, третий. Немец обнаглел и потерял осторожность. Делаю выпад штыком. Немец оседает и падает лицом в землю.

Никому не хочется умирать в этом лязге металла о металл, но кому-то придётся. Здесь драка на равных, кто кого. Вижу, как рыжий детина в каске топит нашего пограничника, окуная его голову в речную жижу. Немец настолько здоров, что наш пограничник против него, выглядит подростком. В ту же секунду прыгаю с берега фрицу на спину и одновременно бью прикладом в шею и, по всей видимости, ломаю «гансу» шейные позвонки. Он моментально выпускает жертву и тут же, я сам, оглушённый, падаю в ржавую воду рядом с верзилой.

Вода охлаждает мою голову и приводит в чувство. Я ощущаю, как кто-то хватает меня и тащит на берег. Вот я уже на берегу. Мир вокруг меня какой-то странный. Он глухонемой. Я вижу, но ничего не слышу. Перед глазами мелькают,

топающие сапоги, вижу валяющиеся тела немецких солдат. Один из немецких пограничников катается по земле, обхватив голову руками; другой, с окровавленной головой, стоит на коленях, подняв руки на уровне плеч, и просит пощады. Он что-то лопочет, но я его не слышу. Слух ко мне ещё не вернулся. Один фриц сидит на земле и пытается одеть очки. Он подслеповато щурится и чему-то меланхолично улыбается. Вот он их одел; а в очках вместо стёкол торчат одни осколки. Жалкий и смешной этот воин великого фюрера.

Наконец слух мой прорезается. Я окончательно прихожу в себя и, покачиваясь, встаю, но мне уже не приходится участвовать в драке. Я вижу, как несколько немецких вояк торопясь выбираются из речки на ту сторону. Другие остались в ней навсегда.

Я смотрю вслед немцам, и думаю: «Зачем они шли? Что это за вылазка такая? В чём её суть?». Это были вопросы, на которые не было ответа. Для нас же стычка закончилась довольно успешно. У наших бойцов есть разбитые носы, кто-то проверяет челюсть, на месте ли она, кто-то прикладывает широкие листья подорожника ко лбу и глазам. Ефрейтор показывает вкровь разбитые пальцы кулаков, а младший политрук ходит между нами и крутит головой, потирая шею. Двое наших не могут передвигаться самостоятельно. Они сидят на земле и, превозмогая боль, смеются. Это, наверное, нервное. Один лежит и стонет. Кто это, никак не могу определить, всё лицо залито кровью. Напрягаю память, но никак

не могу ничего вспомнить.

«Отходим!» – командует политрук. Кто-то суёт мне в руки винтовку и спрашивает: «Ну, как, очухался!? Вижу, что очухался, а мог бы и того...», – и тут же весело добавляет, – А тот боров в речке плавает кверху задницей». Мы подхватываем двоих наших, забираем лежачего и уходим. Но не успели мы отойти, а побитые немцы, выбраться на противоположный берег речушки, как на тот берег, высыпают немецкие автоматчики. Их не меньше роты, они начинают по нам стрелять. Мы быстро занимаем оборону в окопах и начинаем вести ответный огонь. Бьём прицельно, не торопясь.

Окопы... окопы... Тогда, когда мы их рыли, то недоумевали – зачем нам окопы да ещё в полный профиль? За нами стоит батальон, эскадрилья. Если немцы нападут, то через несколько минут подойдёт подмога и от нападавших, только полетят клочки по закоулочкам. Однако всё пошло совершенно не так.

Мы ещё не знаем, что немецкой военщиной атакованы сразу все заставы нашего отряда и не знаем, что в Скродске на нашей 17-й заставе идёт бой, что порваны линии связи и что здесь идёт не просто разведка боем, а самое настоящее глобальное наступление немецких батальонов. Так началась Великая Отечественная война на вверенном мне участке границы моей Родины.

Нас отцы – командиры научили хорошо стрелять и это сказывается. «Каждая пуля в цель», – говорили они. И наши пули летят в цель. Мы видим, как падают немецкие солдаты; ими уже усеян весь берег, но они, не взирая на потери, лезут и лезут. Немцы уже совсем рядом. Мы начинаем закидывать их гранатами.

Наступление противника выдыхается, некоторые фрицы прячутся за трупы, другие лежат среди убитых и не шевелятся, выдавая себя за мёртвых. Обнаруживаю такого фрица и тут же всаживаю мнимому трупу в голову пулю. Вижу, как после выстрела немец дёргается и затихает.

Мы уже выдержали несколько атак, патроны и гранаты на исходе. У меня осталось несколько винтовочных патронов, две гранаты я бросил в атакующих, одна осталась. С одной гранатой много не повоюешь.

У немцев автоматы. Противник буквально засыпает нас свинцом. У нас появились раненые и убитые. Младшего политрука не видно. Нами никто не командует, мы воюем сами. Понимаем, что одними винтовками нам немцев не остановить, нужен пулемёт.

Пулемёт и патроны на заставе. Мы отступаем к заставе. Она не близко. Немцы идут за нами по пятам. Вот и заставка, входим и видим пустые, избитые пулями помещения. Полы устланы битым оконным стеклом и пулемётными гильзами. Ясно, что на заставе шёл бой.

На столе стоит пулемёт «максим», но без затвора. Ствол его ещё тёплый. Значит бой был совсем недавно. Почему бойцы бросили пулемёт – непонятно; возможно в него попал осколок от гранаты или мины; возможно, пулемётчик с оставшимися патронами остался прикрывать отход товарищей, а как только стрелять стало нечем – вывел пулемёт из строя.

Ясно одно – пограничники с заставы отступили, но в каком направлении они пошли, неизвестно. Атаковавшие здание заставы, подразделения немцев, по всей видимости, их преследуют. Надо срочно принимать решение. Пулемёта у нас нет, и теперь не будет, патронов тоже. Главное сейчас, это оторваться от немцев.

Ржаное поле

Мы, человек десять, не более, отступаем по ржаному полю, рассеявшись и огрызаясь редкими выстрелами из винтовок. Офицеров среди нас нет.

Поле, шириною с километр, увешано тяжёлыми колосьями ржи. Она по грудь, стебли мешают идти, вяжут ноги. За полосой, на взгорке, виднеется кустарник. Мы все, оставшиеся в живых, норовим как можно быстрее перебежать полосу ржи и укрыться в этом кустарнике за бугром.

Нашему отступлению мешают белополяки. Рядом стоит деревня, и они с чердаков ведут по нам прицельный огонь из винтовок. Стреляют неважно. Но вот с крыши забил и

пулемёт. Откопали где-то и его. Пулемёт – это плохо. Надо снять пулемётчика. Я умею отлично стрелять. Это никуда не денешь, рос в семье охотников и этому меня учил ещё дед Илларион, а застава приучила к трёхлинейке. Из неё я могу стрелять быстро и из любого положения.

По пулемётчику бью с колена. Тщательно выцеливаю изрыгающий пламя ствол и нажимаю курок. Выстрел, пулемёт смолк и больше уже не начинает стрелять. Понятно, это был пулемётчик-одиночка. У него не было замены, но белопольские винтовки продолжают бить. Опаснее их всё же немцы; обученные и натренированные они наступают нам на пятки.

И вот, неожиданно сзади заговорил уже не польский, а немецкий пулемёт. Это самое опасное. Своей прицельной дальнобойностью он не оставляет нам шансов выйти из этой ржи живыми. Я бегу, оглядываюсь назад, и вижу, что нас, бегущих, становится всё меньше и меньше. И тут очередь скашивает передо мной полоску ржи. Колосья не падают на землю, а виснут на соседних растениях. «Это конец...» – мелькнуло в голове. Я знаю, что сейчас пулемётчик возьмёт чуть ниже и всё. «Падай!» – буквально завопил весь мой организм. Но упасть я не успел.

Везение первое

Пламенем ожгло ноги выше колен. Я упал, но не потерял сознания. Это меня спасло. Несколько пуль вонзились в толстые места ног выше колен. Если б я потерял сознание, то

наверняка бы истёк кровью. Кровь ушла бы быстрее, чем я успел бы очнуться и принять меры. Везением было и то, что я во время нападения фашистов на границу был в наряде, а стало быть, находился в полном боевом снаряжении. Это очень важно. У меня есть и винтовка, и граната, и медицинский пакет. Я разрываю пакет и начинаю перебинтовывать ноги. Бинтов для такого ранения не хватает, тогда я снимаю нательное бельё, разрываю его на полосы и наматываю полосы выше бинтов, кровь останавливается.

От потери крови, теряю силы, падаю в рожь, понимая своё безвыходное положение. В голове мелькает: «Выползу ли я с этого поля на одних руках? Если не смогу ползти, то сумею ли перекатываться?» – вопросы и вопросы, а немцы после пулемётного обстрела пойдут в атаку, и будут добивать нас раненых. Пробую ползти. Тело от пояса и ниже, как мешок набитый ватой и песком. Руки устали и перестали слушаться. Пытаюсь перекатываться. Неимоверная боль в ногах, а до заветного бугра ещё далеко. Хотя, что меня ждёт за этим бугром, я тоже не знаю.

Вдруг немецкий пулемёт смолк. Я приподнимаюсь на локтях и смотрю на поле. По нему идут вразрядку немцы и короткими очередями достреливают раненых пограничников. Я опускаюсь на землю и ползу, цепляясь за растения.

Немецкие автоматчики подходят всё ближе и ближе. Я понимаю, что они подойдут ко мне быстрее, чем я доползу до этого бугра. Проверяю винтовку и обнаруживаю в ней один

единственный патрон. Мелькнула мысль: «Как будто специально для себя оставил. Но нет. Так не пойдёт. Это называется – застрелиться за свой счёт. Такого не будет. Одного автоматчика я заберу с собой на тот свет, а вот другой меня обязательно добьёт, только уже своим патроном и за счёт своего рейха».

Глаза заливаает пот, в прогал полёгшей ржи, где я только что прополз, вижу, как немецкий автоматчик стреляет в спину пограничнику. Передёргиваю затвор винтовки и, стреляю в автоматчика, почти не целясь, тот падает.

Второй автоматчик, после моего выстрела, приседает и двигается ко мне перебежками. Нащупываю в подсумке гранату и тянусь к ней рукой.

Везение второе

Мысль о том, как лучше использовать оставшийся боеприпас прерывается из-за заработавшего русского пулемёта «максим» на взгорке, куда я и полз. Очередями он прижимает немцев к земле и заставляет замолчать немецкий пулемёт. От радости у меня на глазах наворачиваются слёзы. Этот пулемёт дарит мне надежду на спасение. И вот оно, это спасение. – Два солдата от пулемёта «максим», ползут мне навстречу, я их вижу. Это не пограничники. Солдаты уже рядом. Они подхватывают меня под руки и ползком тащат в направлении своего пулемёта.

Боль в ногах неимоверная. Наконец, вот он этот бугор, вот

пулемёт, около которого хлопочут два бойца, и рядом тот кустарник, о котором я мечтал на поле. Только радоваться было рано.

Вытащившие меня бойцы и пулемётчик вдруг стали сниматься с позиции. «Ты вот что, – говорит старший пулемётного расчёта, – Мы тебе помогли, а дальше ты уж сам, как можешь. Нам надо задание выполнять. У нас приказ». После этих слов солдаты подхватывают пулемёт и исчезают за кустами.

Везение третье

«Вот тебе на, – думаю я, – кому я здесь нужен? Немецкие автоматчики скоро поймут, что русский пулемёт сменил позицию и ринутся сюда. Надо что-то делать?». Оглядываю местность. На ржаном поле уже не видно пограничников, только блестят каски немецких солдат.

В первую очередь отмечаю, что где-то совсем рядом, режут двигатели проезжающих автомашин. Это дорога. Приглядываюсь. Вижу среди кустов и редких деревьев проезжающие на большой скорости ЗИСы, полуторки, эмки. До них метров сто, не больше. От меня к дороге идёт, поросший травой, склон.

Ползу по склону. Вниз по траве ползти гораздо легче, чем по ржаному полю. В некоторых местах я скольжу по траве. Подползаю к самой кромке асфальта. Вижу, что впереди, метрах в пятидесяти, дорога делает крутой поворот и ухо-

дит от границы. Начинаю лёжа голосовать. Машины не останавливаются. Они, как закусившие удила скакуны летят и на всём скаку, не тормозя, поворачивают влево, отчего их колёса визжат и пищат.

Думаю: «Кажется, меня здесь никто подбирать не собирается». Оцениваю дорожную обстановку: справа откос, слева крутой кювет, а дальше овраг, объехать препятствие будет нельзя. Я достаю гранату из подсумка и голосую гранатой, показываю её водителю приближающегося грузовика и выкатываюсь с гранатой на дорогу.

Визжат неистово тормоза. Матерясь, трое дюжих гражданских мужиков спрыгивают с кузова, хватают меня за руки и за ноги, разматывают и бросают как мешок в кузов. Машина трогается и тут же набирает прежний темп езды. От удара больными ногами о пол кузова мутится сознание.

Наконец возвращается способность трезво оценивать обстановку. Сейчас для меня главное то, что я уехал с того места, где с минуты на минуту должны появиться гитлеровцы.

Везение четвёртое

Шоссе не совсем ровное, машину трясёт и мотает. Каждая встряска как ножом режет искалеченные ноги. Полуторка, на которой меня везут, гражданская. В ней на двух лавках и на полу кузова сидят гражданские мужики и несколько женщин. Куда они едут и откуда, неизвестно.

Выезжаем на открытую без деревьев местность и сразу в

небе появляются немецкие самолёты. С рёвом они обрушиваются на шоссе, расстреливая из пулемётов всё, что по нему движется. Автомобили резко тормозят. Все, кто едет в полуторке, разбегаются по кюветам, а я лежу и смотрю в небо, отслеживая каждый манёвр немецких лётчиков.

Вылезать мне из кузова нельзя. Да, я могу перевалиться через низкий борт полуторки и упасть к её колёсам и даже отползти в кювет, только назад меня никто в кузов затаскивать не будет. И вот я тихо лежу в кузове у борта, а пулемёты строчат и строчат, от кузова полуторки летят щепки. На шоссе горят отдельные машины, однако мой автомобиль не загорается, и я лежу невредимый.

«Ну, что, боец, Живой?» – спрашивают меня после обстрела, влезаящие в кузов попутчики. – И даже ни одна не зацепила» – удивляются одни. – «Ты смотри... В кузове ни одной целой доски нет, а ему хоть бы хны...», «Ну, ты везунчик!» – говорят третьи. – А я отмечаю, что каждый раз после таких обстрелов в кузов поднимается всё меньше и меньше людей. «Значит, по кюветам остались лежать, – думаю я», а полуторка едет дальше.

После достаточно долгой езды, машина вдруг резко останавливается, слышатся впереди выкрики: «Минск немцы взяли! Поворачивай на Киев!». Такой информации я не верю. Не может немец за пол дня Минск взять, однако образовавшаяся колонна разномастных, избитых пулемётными очередями машин сворачивает на другую трассу. Едем

по ней. Вдруг колонна останавливается, двигатели перестают работать. Установилась необычная тишина. Не слышу ни слова, ни вздоха.

И вдруг кто-то испуганно и тихо говорит: «Немцы».

Везение пятое

Я подтягиваюсь на руках и смотрю через борт кузова. То, что я вижу, невысказуемо. На трассе стоит, перерезав её, немецкий танк с крестами, совсем рядом речка с зарослями осоки край берега. Немецкий офицер жестами приказывает всем выходить из машин.

Люди стали прыгать с кузова. Я переваливаюсь через борт, падаю и, не обращая внимания на боль в ногах, ползу к речке. Мне страшно хочется пить. Подползаю и плюхаюсь лицом в воду. Вода заливает рот, нос, глаза. Жадно глотаю иссохшими губами прохладную влагу и окунаю в воду всю голову. Пью бычком. Хорошо. Поднимаю голову и вижу, что вся масса людей, без всякой команды, лезет в эту речку. Я, тоже подчиняясь чувству стадности, лезу в речку и прячусь за осокой.

Рядом со мной, пригнувшись, стоит, судя по одежде, офицер, только без знаков различий. Он придвигается ко мне вплотную и срывает с меня зелёные петлицы. «А фуражку сам утопи и побыстрее, – говорит он и добавляет, – немцы всех пограничников считают коммунистами и сталинскими соколами, так что от греха подальше».

Я делю то, что мне сказал офицер и не напрасно. Вскоре немецкий унтер жестом дёт команду: «Всем вылезать из воды!». Из речки я вылезти самостоятельно не могу. Люди вылезают, а я торчу в воде и даже никого не прошу о помощи. Тут ко мне подходят два дюжих артиллериста, берут под мышки, поднимают и вытаскивают из речки, но не бросают, несут до дороги, где немцы в это время всех выстраивают в два или три ряда. Перед строем расхаживает офицер и что-то говорит на ломаном русском языке про великую Германию и её непобедимую армию, затем велит всем коммунистам, жидам и пограничникам выйти из строя.

Выходят несколько человек, видимо, коммунисты и евреи. Немецкие солдаты шныряют по рядам и выпихивают ещё двух солдат-пограничников в зелёных фуражках и с зелёными петлицами и ещё несколько евреев. Всех отводят в сторону и тут же расстреливают. Оставшихся в живых, криками и пинками, сбивают на дороге в колонну, затем поступает команда идти и вся масса, в основном бывших военных, под дулами автоматов и оскалом рычащих псов, начинает двигаться.

Меня тащат всё те же артиллеристы, потом их меняют два морячка. Как здесь оказались эти морячки? Неизвестно. Потом их меняет ещё кто-то. Палящее солнце быстро изматывает, лишает сил, но меня уставшие люди не бросают. Я среднего роста, но не такой уж и лёгкий. На мне только намочшие в воде бинты сколько весят.

Дорога идёт под уклон и это облегчает труд моих носильщиков. Колонна, похожая на огромное живое существо движется, занимая всю ширину дороги. Иногда сзади и спереди раздаются одиночные выстрелы из карабинов, или короткие очереди из автоматов. До меня доносятся слова: «Пристреливают тех, кто не может, или не хочет идти».

Меня не бросают, люди упорно передают меня из рук в руки и несут дальше, а я думаю: «Сколько эти люди будут меня нести? Насколько у них хватит сил? Кто и что меня ждёт впереди? Кому я нужен, когда немцы запросто расстреливают здоровых и крепких мужиков?».

Вскоре в низине замелькали крыши домов большого села. Колонна доходит до его окраины и останавливается. Все падают на землю, привал. Офицер, показывает тростью на большой дом и говорит: «Это бывший русска болныца, а теперь – немецкий госпитал. Всех, кто нуждается в медицинская помощь, останутся здесь, а здоровые пойдут дальше».

Тут же всех тяжело и легко раненых немцы выводят, или вытаскивают из колонны и бросают за ограду больницы. Меня затащили за ограду артиллеристы и бережно положили на землю. Я мысленно попрощался со своими спасителями. Они мне ответили вымученными улыбками. Немецкие солдаты закрыли ворота, около которых встали часовые. Больше я этих морячков и артиллеристов никогда не видел.

Везение шестое

Весь персонал в госпитале русский. Осматривает меня сам главный врач и хирург по совместительству. С ним санитарка, которая записывает все данные обо мне: где родился? с какого года? и так далее. Другая медсестра разрезает ножницами слипшиеся бинты на моих ногах. Очень больно, но я терплю, это ведь первая квалифицированная медицинская помощь, о ней я даже не мечтал.

После первичной обработки пулевых ранений меня определили в палату. Я лежу на кровати и смотрю на стены и потолок. В палате всё чисто, выбелено или покрашено. Где-то под вечер в палату заходит уставший главный врач и садится ко мне с краю на койку. Смотрит на меня, улыбается одними глазами и тихо говорит:

– Из Татищевского района, С Малой Крюковки, говоришь...

– Да, я с деревни Малая Крюковка, – отвечаю, не понимая, куда клонит главврач.

– А я с Мизин0-Лапшиновки, – говорит он. – Здравствуй, земляк, – и жмёт мне руку. – Чем могу, помогу, но лежать придётся с твоим ранением долго. Сильно они твои ноги покромсали. Кстати, твою одежду выбросили, будешь ходить в больничном. – Он встал и ещё раз, пожав мне руку, вышел.

После его ухода, я долго смотрю в окно на зарево садящегося солнца. Пытаюсь мысленно сложить события дня в единое целое, но у меня это плохо получается. Я начинаю складывать снова, и снова всё рассыпается. Клонит ко сну.

Первый день войны для меня закончился.

Везение седьмое

Как я уже говорил, лечили нас в госпитале русские доктора и персонал был весь русский, а охраняли больницу немецкие пулемётчики. Немцы с первого дня нашего сюда поселения, стали ставить вокруг госпиталя вышки. На них установили прожекторы. На вышках день и ночь торчат пулемётчики в касках. Забор у больницы из красного кирпича, по верху его немцы протянули колючую проволоку. Кроме постов на вышках, другой охраны не видно. Видимо немцы считают, что использовать пехоту для охраны лежачих и едва волочащих ноги людей, излишеством.

В госпитале мы относимся друг к другу настороженно, лишнего не болтаем. В одежду больных входят нательная рубашка и кальсоны. Потом, когда легкораненые стали выздоравливать немцы завели другой порядок – нам стали выдавать что-то одно – или кальсоны, или рубашку. Через каждые две недели происходит выписка. Выписывает, условно выздоровевших, приезжий немецкий врач с эсесовским офицером. При выписке всегда присутствует главный врач больницы, мой земляк.

Происходит это так. Немец осматривает больного и если он, по мнению немецкого врача, подлежит выписке, то его тут же с постели хватают немецкие солдаты и уводят. Таким образом, идёт отбор в концлагерь. Если немец считает, что

лечение будет долгим, то такого больного «выписывает» эсесовский офицер. Он достаёт парабеллум и тут же на койке расстреливает раненого.

За больных часто вступается главный врач госпиталя, он спорит с немецким врачом и иногда ему удаётся отстоять больного и последнего не отправляют в концлагерь или не расстреливают. Но это происходит реже, чем бы хотелось.

Два раза при таких выписках на соседних койках со мной расстреляли тяжелораненых. Моим же спасителем всегда выступал главный врач. Однажды, немецкий врач, осмотрев мои ноги, скривил рожу и покачал лысой головой, дескать, лечение затянется надолго. Эсесовец сразу расстегнул кобурку и достал пистолет. Главный врач в это время, буквально загородил меня телом и так стал убедительно доказывать немцам, что я скоро побегу и буду полезен Германии, что немецкий хирург с ним согласился и проговорил: «Пуст это будет под ваш ответственен», потом что-то быстро сказал эсесовцу. Офицер не глядя, произносит: «Если при следующей выписке этот больной будет лежать на койка, то я его пристрелю». Возможно, он и исполнил бы своё слово, но при следующей выписке был другой эсэсовский офицер и он ничего не знал об обещании первого.

Везение восьмое

Выздоровление ног идёт медленнее, чем бы хотелось.

Идут дни, недели, а я всё не могу ходить. Следующая выписка почему-то происходит ночью. Такого никогда не было. Неожиданно в темноте раздаются голоса команд немецких унтеров, палату освещают фонариками, в неё вбегают несколько автоматчиков, входят эсэсовец и немецкий врач. Сердце у меня оборвалось, такая выписка не сулит ничего хорошего. И тут я немного обрадовался – немецкий врач был другой и эсэсовец тоже. «Может быть, и не пристрелит», – мелькнула мысль.

На этот раз выписка происходит проще и интенсивнее. Солдаты ставят больного на ноги, и если он не стоит нужное время, то его пристреливают, а если, хоть стонет, но стоит, то решет немецкий врач. Хорошо, что моя койка находится в середине палаты, а не у входа, можно понять, что к чему?

При осмотрах первых больных я сразу сориентировался, как надо действовать. Хорошо ещё, что немецкие солдаты сами ставят больных на ноги. Я встать самостоятельно на ноги просто не в состоянии. К моей койке подходит главный врач и шепчет: «Крепись дружище, хоть умри, но стой...». И я выстоял. Подходят солдаты и ставят меня на ноги. От боли в глазах стоят красные и фиолетовые круги, мутится сознание. Я не помню, как солдаты бросили меня на постель и не слышал, как немецкий хирург произнёс слово «ГУТ», а эсэсовец прошёл к следующей койке.

И на этот раз смерть с косой прошла мимо меня. Утром ко мне подошёл главный врач и сказал, что из их концлагер-

ной больнички мало отправлялось людей в концлагерь, заподозрили неладное и совершили ночную медицинскую операцию, поменяв и эсэсовца, и немецкого хирурга. А ты молодец, хоть и сознание потом потерял, но эти секунды простоял, выдержал.

«Выдержал ли я это сам?» – мелькнуло в голове, и впервые подумал об ангеле-хранителе.

Везение девятое

Через некоторое время я начинаю потихоньку передвигаться. Выписывают опять больных прежний доктор и прежний эсэсовец. Почему я говорю больных, потому что их всех надо ещё лечить. Меня главный врач немцам не показывает – он меня и других, таких же, как я, прячет на чердаке больницы. Там мы забираемся в дощатые короба карнизов, что служат снаружи обрамлением крыши. Когда меня первый раз санитары запихнули на чердак и велели прятаться в коробах карнизов, то они оказались уже почти все заняты. Я всё же нашёл свободное местечко, втиснулся в короб и затих.

Немцы, как обычно, в своей манере провели выписку, затем солдат по лестнице поднялся, заглянул на чердак, разрядил по чердаку магазин, потом походил по больнице, пострелял ещё по затемнённым местам и фашисты уехали. Все, кто прятался в коробах, остались живы.

После этого случая, я понял, какой великой души этот главврач госпиталя, хирург и мой земляк. Ходя по лезвию

ножа, он умудряется обманывать фашистов. Он делает всё, чтобы сохранить как можно больше солдатских жизней.

Пришла дождливая осень. На улице ветер гонит опавшие листья. Я вижу в окно, как жители деревни, управившись с огородами и сделав все дела на полях, больше находятся в селе. Уже давно выкопана картошка, свезены с полос жёлто-зелёные тыквы, за дворовыми постройками стоят посе-ревшие и аккуратно уложенные копны сена, а меж домов и сараев плавает разлапистый, перемешанный с дымом из труб туман. За полем виднеются верхушки елового и соснового леса. Этот лес впоследствии и станет первым моим убежищем после побега.

А пока я лечусь. Прав хирург – лечение ног затягивается. Я умею ходить с палочкой. Выхожу во двор больницы, это разрешается, дышу свежим холодным воздухом. Погода неустойчивая – то светит солнышко, то сыпет затяжной мелкий дождик. Я бы мог ходить и без палочки, но побаиваюсь.

Всё произошло очень неожиданно. Ночью мне шепнули, чтоб шёл в комнату для инвентаря, то есть в кладовку, где хранятся лопаты, скребки, и другая хозяйственная утварь. Когда я туда пришёл, там собралось около двадцати человек почти выздоровевших больных.

Незаметно, бочком входит хирург и говорит:

– Этой ночью вам надо всем бежать, завтра будет поздно.

Немцы откуда-то пронюхали про наше убежище в карнизе. Единственное, что я для вас могу сделать, это вот это, – и он указал на ворох тряпья. Под тряпьем оказались недостающие нательные рубашки и кальсоны, другой одежды не было, и все мы были босиком. – Бежать будете через котельную, – продолжает говорить доктор, – из котельной пройдёте в дровяной склад. В стене склада две доски оторваны, вы их просто отставите в сторону и всё. Когда выберетесь из склада, стойте в тени забора и ждите сигнала. Мы постараемся чем-то отвлечь часовых. Бегите прямо через поле к лесу и врассыпную, чтоб было меньше потерь. У немцев нет караульного взвода. Одни пулемётчики на вышках, собак тоже нет, преследовать некому. Ты, Пётр, – обращается он ко мне, – ещё сильно не долеченный, бежать бегом ты не сможешь, но деваться некуда, уходить надо обязательно, крепись и прощай».

Он обнял каждого и вышел.

Мы стоим в кладовке подавленные расставанием. Каждому из нас он подарил надежду на жизнь. Как всегда в таких случаях находится шутник, что разряжает обстановку. Нашёлся такой и среди нас.

«Жаль, что немцы справки о нахождении в их госпитале нам забыли написать и печать приложить». – Пошутил кто-то.

«Не беспокойся, сейчас они их нам напишут из пулемёта и печать меж лопаток приложат», – вставил другой, и все

замолчали.

В общем-то, остряк оказался прав. По иронии судьбы, в году этак 1980-ом меня обследовал, как фронтовика, консилиум врачей по месту жительства. Я показал израненные ноги. Хирург осмотрел шрамы и говорит: «Да, это тяжёлые пулевые ранения, тут ни одна пуля по ногам прошла, всё видно невооружённым глазом. – Затем помолчал и добавил, – извините, Пётр Андриянович, но подтвердить я вам эти ранения, без справки из госпиталя, где вы лечились, не могу, такие правила».

– Так где я того немца найду, чтоб он мне справку дал и печать поставил!? – вскипел я. Но хирург был не преклонен. Так и остался я обычным фронтовиком, а не инвалидом. Вот тебе и шуточка, прозвучавшая в кладовке для инвентаря.

Мы сделали всё, как нам было сказано главным врачом. Теперь, прижавшись к забору, стоим и ждём сигнала. Моросит холодный мелкий дождь. Погода для побега хорошая, видимость слабая. Немецкий часовой, засунув руки в рукава шинели, ходит на вышке, видно пытается согреться. Менять его, по нашим подсчётам, должны только через полчаса, и он уже изрядно продрог. Вдруг в противоположной стороне от нас на больничной территории вспыхивает пламя. Это сигнал. Пулемётчик поворачивается в его сторону и тут же сем-

надцать человек разом бросаются бежать в тёмную пустоту.

Я, крещусь и тоже вроде бегу. Бежать мучительно трудно, босые ноги утопают в рыхлой холодной почве, разъезжаются. Я постоянно падаю, но встаю и снова бегу. Бегу, как умею. Это, конечно, не бег, а больше ковылястый умеренный шаг.

По полю заплясало желтоватое круглое пятно прожектора. Вот оно скользнуло передо мной, осветило меня. В голове промелькнула мысль: «Сейчас будет выстрел, падай!» – и тут же, будто какая-то невидимая сила толкает меня в спину, и я зарываюсь лицом в грязь. Слышу, как прямо над головой свистят пули, врезаются в землю и обдают лицо влажным крошевом, следом, другая очередь. Пятно прожектора смещается в сторону и выше.

Немец видно решил, что меня убил. Я скашиваю глаза и вижу, как к лесу по полю скользят тени бегущих товарищей, а с вышки захлёбываясь лает и лает пулемёт. Я вскакиваю и бегу, или думаю что бегу. Ног, как будто нет. Хорошо, что мои ноги ещё как-то передвигаются. Я заметно отстал от товарищей, некоторые уже достигли леса, а кто-то приближается к нему. Пятно прожектора пляшет где-то на краю поля, а пулемёт бьёт и бьёт по убегающим.

Ноги совсем не слушаются. Я падаю, будь что будет, застрелят – так застрелят. Лежу неподвижно. Мокрая земля, мокрое небо, мокрое липкое нательное бельё, превратившееся из белого в грязно-серое. Я не думаю ни о жизни, ни о смерти, всё пустое. Даже минута лежания в холодной грязи

стоит многого.

Пулемётная пальба стихла. По полю ползает, высматривая недобитые жертвы, жёлтое пятно прожектора. Иногда доносятся короткие очереди. Чувствую, как жёлтое пятно заползло мне на грудь, остановилось, немного потопталось, постояло, скользнуло по лицу и стало смещаться вбок. Видимо пулемётчик убедился, что я – труп и стал осматривать поле дальше. Затем луч прожектора останавливается на одном месте и стоит недвижно. Видимо у немца замёрзли руки, и он их греет, засунув в карманы шинели или в рукава. Я медленно встаю. Под руки попадается какая-то палка. Я беру её в руки, опираюсь на неё и, еле переставляя ноги, пошатываясь, шагаю в темноту. Немец меня не видит. Он думает, что сделал своё дело. Это хорошо для меня. Только бы он не стал опять крутить прожектором.

Наконец, вот он спасительный лес. В нём полная темнота. Всё так же моросит осенний промозглый дождь. Огромная ель. Под елью мы. Нас в живых осталось семь человек. Нам повезло, мы живы и на свободе. Ёжимся. Все мокрые и грязные. Очень холодно.

Везение десятое

Только это была ещё не полная свобода. Мучили вопросы: куда идти? далеко ли жильё? Кто приютит и даст корку хлеба? Решили идти в другое село, не отрываясь от опушки леса, чтоб был ориентир. К утру, мы подошли к селению.

Дождь умерил свою прыть, и стало лучше видно. Селение небольшое в одну улицу, оно тянется вдоль речки. Прячемся под дубом, прислушиваемся. Деревня просыпается. Редко лают собаки, хозяйки провожают коров на выпас. Что они там найдут в этих лугах, но всё же, не в хлеву стоят. Крестьяне экономят, заготовленное на зиму сено.

Решаем сразу в село не идти, а подождать восхода солнца. Ждём. А вот и солнце. Идём в крайний дом. К дому добрались незаметно. Увидели, как хозяйка, захватив дров, толкнула ногой сенную дверь и вошла в коридор, за ней мы и устремились.

Дом, куда мы пришли, оказался большим, с несколькими комнатами. В нём тепло, даже жарко. Пожилая женщина хлопочет на кухне, а молодая, что принесла дров, накидывает на себя платок, верхнюю одежду и, уходя, говорит нам: «Пойду по соседям вам одежду пошукаю, нельзя же вот так в одном исподнем», – и вышла. Из комнаты выбегает мальчик лет пяти-шести, хватая шапку и маленькую фуфайчонку и бросается за матерью. Через некоторое время он возвратился надутый; разделся, сел против меня на скамеечку и стал от недовольствия ковырять в носу.

Я, поняв, что дитя хотело идти с матерью, а его препроводили назад, решил развеселить мальчугана и стал строить ему разные смешные рожицы. Мальчишка вскоре развеселился и спрашивает: «Дядя, а вы бандиты, да? – и, не дожидаясь ответа, добавляет. – И ни сколько вы не бандиты,

а мамка сказала соседке, что вы бандиты и что она идёт в полицию на вас заявлять».

После слов мальчишки, нас как ветром сдуло. Мы выбежали из дома, пересекли двор и, не таясь, побежали к лесу. Оглядываюсь и замечаю, как во двор дома, где мы только что были на рысях въезжают пять вооружённых людей. Видимо, узнав, что мы убежали, они тут же направляют коней к лесу.

Вот они выезжают за хозяйственные постройки и видят нас безпортошных. На руках у верховых видны белые повязки полицейских. Они гонят коней, пытаются нас догнать, а мы изо всех сил стремимся достичь леса. Мы гораздо ближе к лесу, чем они. Потом, я уже не так отстаю. Меня подхватили под руки два товарища и помогают бежать.

Вот она опушка, густая, в основном из лиственных деревьев, она сразу поглотила нас и спрятала от полицаев. Полицай же в лес въезжать не стали, чего-то побоялись, придержали коней, затем постреляли наугад и, ругаясь, зарысили к деревне.

Везение одиннадцатое

Как не говори, а этот заход в дом был для нас сильной встряской; мы поняли, что не в каждом доме нас ждут с распростёртыми объятиями, надо было быть впредь осторожнее. Мы, нисколько не задерживаясь около этого села, двинулись дальше. Только теперь мы идём больше густым лесом и избегаем полянок и просек, за нами могли начать охоту.

К обеду подошли к другому селу. Это очень большое село в несколько улиц, и эти улицы скрываются за бугром. На этот раз мы не стали заходить в крайний дом, а залегли и стали наблюдать. Если раньше я и мои товарищи думали о том, как прийти в деревню и согреться, то теперь мы все думаем о том, как найти надёжных приветливых хозяев и не попасть в руки полиции.

Мы выбрали для захода дом победнее и понеказистее. Подошли к нему с огорода, пролезли через колючий шиповник и спрятались за дощатым забором, рядом с дверкой на тропе, ведущей в огород. Прождав около получаса, мы увидели входящую во двор пожилую женщину с вёдрами на коромысле. За ней вбежала маленькая лохматая собачонка и, почуяв чужих людей, сразу бросилась к тому месту, где мы притаились, и залилась громким залиvistым лаем.

Хозяйка, не занося вёдра с водой в дом, поставила их на лавку и осторожно подошла к забору. Она тут же увидела лежащих в исподнем белье мужчин, цыкнула на собаку, та сразу умолкла. Женщина, прикоснувшись пальцем к губам, подав тем самым нам знак, дескать, лежите тихо, обвела взглядом соседние огороды, дома, выглянула в калитку, заперла её на засов, открыла дверь в хлев.

Проделав всё это не торопясь, без всякой суетливости, она подошла к нам и проговорила: «В хлев, и пригнитесь», затем взяла метлу и стала мести двор. Мы тут же юркнули в хлев, где ночевала скотина. В хлеву спрятались в овечьем котухе.

Лежать на спрессованной соломенной подстилке было тепло, прелый навоз ударял в ноздри, пахло овечьим молоком и потом. Мы испытывали блаженство.

Минут через двадцать пришла хозяйка. Она принесла краюшку хлеба и полведра молока, сама села на жердину и стала наблюдать, как голодные, обессиленные мужчины поедают молоко с хлебом. На её глаза набегают слёзы, и она то и дело вытирает их концом платка. Когда мы поели, хозяйка взяла пустое ведро, и, сказав: «Сидите тихо, меня зовите тётей Мотрей», – вышла, плотно притворив за собой дверь.

Её не было до самого вечера. К вечеру она пришла с пожилой женщиной, можно сказать, старушкой. Они переправили нас в баньку, заткнули в ней ветошью маленькое окошко и зажгли фонарь. «Располагайтесь, – сказала старушка тихо, – мойтесь, парьтесь. Здесь пока жить будете, не шумите. В селе любопытных глаз и ушей много». – Женщины ушли, а немного погодя послышалось бляенье овец и рёв коров. В село возвращалась с лугов скотина, начиналась вечерняя деревенская жизнь.

В баньке жарко, из чугунного котла идёт пар, около входа несколько вёдер с холодной водой, на полу стоят деревянные шайки и лежат кусочки мыла и мочалки.

Такого блаженства мы не испытывали никогда. Мы хлещем друг друга веником, поливаем водой, трём друг друга мочалками со сползающих с них мыльной пеной. Мы раду-

емся как дети. Намывшись – все выползаем в предбанник отдыхать и тут обнаруживаем развешанные на верёвке рубашки, штаны, нательное бельё, картузы, шляпы и так далее. Чуть остыв, начинаем примерять обновки. Не всё подходит по размеру, а чего-то нет совсем, например, обуви.

Женщины пришли в баньку поздно вечером, когда уже было совсем темно. Чего не подошло, они взяли с собой, пообещав принести нужный размер, а вот с обувью было совсем плохо. В малоимущих домах её просто в достатке не было, а в зажиточные – хозяйка и её соседка-старушка заходить боятся.

– Скажите, а у вас в селе лапти плетут? – спрашиваю я.

– А как же, для лета самая хорошая обувь была и есть. Её и сейчас, кто постарше носит – обрадовано произносит тётя Мотря.

– А есть, кто сплести может?

– Это к деду Тимохе надо, он хоть и старый, но за неделю наковыряет.

Все приободрились. Выход из положения был найден. Через неделю нас было не отличить от тамошних крестьян бедного сословия. Приободрились мы ещё и потому, что узнали – староста в селе добрый человек, выбранный народом, а не назначенный немцами. Он хозяйке приходится кумом. Хозяйка старосте о нас уже рассказала и тот завтра хочет нас беглецов видеть.

– Кум сказал, чтоб шли к нему в управу не кучей, а с раз-

ных сторон деревни по одному или два человека с промежутками по времени и чтоб выдавали себя за беженцев, – предупредила нас тётя Мотря.

На следующий день рано утром, выбравшись окольными путями за деревню и подождав, когда наступит день, мы двинулись в деревню с разных концов. Управу было видно издалека, над ней развевался флаг рейха.

На крыльце нам преградил путь рыжий полицейай.

– Куда прёшь, басота!?

– Так регистрироваться, замялись мы, чтоб всё по закону...

– Без доклада не положено, – проговорил полицейай и, смеив нас взглядом и не обнаружив ничего подозрительного, юркнул за дверь. За дверью послышался его голос:

– Желающих вас видеть уже семь человек накопилось. Их пущать по одному или как?

– Они из каких будут? – спросил староста..

– По виду басота, а кто они там погорельцы, али беженцы, разве поймёшь.

– Время у меня на разговоры нет. Заводи всех разом.

Тут же к нам вышел рыжий полицейайский и сказал:

– Входите! Герасим Ильич вас всех впустить велит.

Везение двенадцатое

Мы вошли в комнату и остались в ней один на один с этим

Герасимом Ильичём. Старосте было за шестьдесят. Посмотрев на нас, он задал каждому несколько простейших вопросов: «Кто? Откуда? Зачем?». Затем вызвал полицейского и спросил:

– Гришка, в селе много нуждающихся в работниках?

– Так точно! – гаркнул Гришка. – Особенно среди зажиточных мужиков. Любят они на халтурку чего-нибудь построить, или поправить.

– А бабам одиноким с малыми детьми помощники разве не нужны?

– Нужны, господин староста, у некоторых плетни заваливались, огороды остались недокопанными... Непорядок это. Мужские руки требуются.

– Вот и я об этом же... – и староста многозначительно поднял палец вверх. – Будем о своих сельчанах думать. Определим их жить в школу. Отведёшь и покажешь. – И он строго посмотрел на полицейского.

– Будет сделано, господин староста! – отчеканил тот.

– Через неделю зайдёте, я вам выправлю пропуска. – Сказал Герасим Ильич, обращаясь к нам. – Живите сколько хотите, только не озорничать и не воровать, девок не портить. Узнаю – лично сдам в гестапо. Ступайте.

Мы понимали, что нам очень повезло. Ещё мы понимали, что староста специально разыграл эту сцену с приглашением полицейского, чтоб отвести от себя подозрение. Даже базу

под свои действия подвёл. Умён, ничего не скажешь.

Через неделю пропуска были у нас в кармане. Мы живём в школе и ходим наниматься на работу в деревню к хозяевам, как мы тогда говорили – к дядькам. Кто-то из нас подрягается за прокорм строить сарай, кто рыть колодец, кто строить изгородь и так далее. Работы в деревне хватает.

В школе нас живёт не семь человек, а гораздо больше. Кроватей в школе, разумеется, нет. Мы спим в шкафах, в которые вешали одежду дети. Сваленные на пол с закрывавшимися дверками, они служат неплохим укрытием от холода. Иногда мы эти шкафы кладём друг на друга, чтоб было теплее.

Понемногу стали обзаводится разной одежкой, честно заработанной у хозяев.

Везение тринадцатое

Надзирать за нами в школе поручено голенастому полицейскому из местных, по кличке Сыч. Этот Сыч частенько приходит по утрам и проверяет, кто из постояльцев на месте, а кого нет. Такие обходы дают ему некоторую прибыль. Каждого, кто не был на месте из его списка, он обкладывает данью: один должен за это поставить ему литр самогона, другой убрать его подворье от навоза и так далее. Наша семёрка беглецов в школе распалась. Совершившие вместе побег, мы вскоре обросли новыми знакомствами и образовали новые небольшие товарищества в два-три человека. Сходи-

лись, как говорится, по интересам и характерам.

Я тоже входил в такую компанию. Так легче было найти работу и пропитаться. Потом, с моими ногами было вообще трудно в одиночку найти работу. Ноги ещё болят, устают, ломят и ноют. В группе это понимают, что копать огород лопатой я не могу, возить тачку и носить брёвна тоже. Мне находят работу полегче – заплести плетень, заклепать ведра, сплести корзины. Ещё я ремонтирую или делаю заново грабли, выстругиваю черенки для лопат, вил, топоров и так далее.

В нашу группу входят: я, Лёнька-сорвиголова и Володька. Лёньку мы зовём сорвиголовой за лихой характер, весёлость и общительность. Кажется, что он знает в деревне всех и вся. И вот однажды этот Лёнька говорит мне одному и потихоньку:

– Слушай! Пётр. Пошли к немцам в полицейские наймёмся.

У меня от такого предложения округлились глаза.

– А что ты так на меня смотришь? У немцев паёк, одежда, сапоги и карабин, – продолжил он. – Жить можно. Неужели так и будем в этих шкафах вшивых валяться. А морозы настоящие настанут... Мы же эту школу не протопим. Отсюда даже клопы разбегутся.

– Нет, я к немцам служить не пойду, твёрдо говорю я. – Они меня убивали, сколько моих друзей побили, а я к ним служить...

– Значит не допёр, – пожевав губы, говорит Лёнька, а я думал, что ты сметливее. Ладно, забыли, о чём шла речь, разговора меж нами не было. Живи, как знаешь. Прощевай, дружище. – Он хлопает меня по плечу и уходит.

Его уход я сильно переживаю. В голове постоянно вертится: «Как это, Сорвиголова и у немцев!! Скажи это в школе, так никто не поверит».

Насельники нашей школы и деревенские потом говорили мне, что встречали Лёньку на вокзале с повязкой полицейского и немецким карабином. Я с ним тоже встретился, но гораздо позже и при других обстоятельствах.

Зима. Рыхлый и мягкий снег завалил округу. Я помогаю местному столяру-инвалиду вязать рамы, делать табуретки и столы. У него одна нога деревянная. Я работаю у него до весны, а рано весной пойду к его брату Трофиму ошкуривать брёвна для строительства дома. При ошкуривании, в основном, работают только руки. Ноги я продолжаю оберегать, хотя они меня стали меньше беспокоить. Время делает своё дело. У столяра я научился многому. Потом, после войны я в домашнем хозяйстве делал сам табуретки, лавки, квашни, маслобойки и даже клепал маленькие кадуюшонки.

Весна. Я продолжаю жить в школе, хожу вместе с Володькой к Трофиму на работу. Однажды Трофим попросил меня поехать с ним в район, чтоб купить там скобяные изде-

лия для нового дома: гвозди, скобы, петли для окон и дверей и так далее. Земля уже освободилась от снега, пригревает солнце, тепло. В город мы едем на телеге. Приехали мы в этот районный город, Трофим пошёл в скобяной магазин, а я топчусь около лошадей. Откуда ни возьмись двое полицейских. Подходят: «Кто такой?». Я им пропуск показываю. Они пропуск посмотрели, положили себе в карман и спрашивают:

– Беженец?

– Беженец, – отвечаю. – У хозяина работаю. Он в магазин за покупками пошёл, а я коней стерегу.

– Ты нам и нужен. Хватит, отстерёг ты его коней, топай вперёд и не оглядывайся, – наставили на меня карабины и повели. Подвели к какому-то подвалу и втокнули в дверь.

Подвал длинный, стены из красного кирпича, а народу в нём, как этих кирпичей в стенах. Прислушиваюсь к разговорам. Оказывается это теперь немецкая тюрьма. Вскоре вывели нас из этого подвала, построили и повели. Ведут нас мимо того самого магазина, где меня схватили. Смотрю, Трофим, около лошади ходит, меня высматривает. Я кричу ему, что здесь я. Только меня за этот крик полицей так шибанул прикладом, что мне кричать сразу расхотелось.

Вскоре нашу колонну пригнали к одному разрушенному бомбой кирпичному дому, вручили лопаты, ломы, тачки и приказали разбирать и возить кирпичный бой на дорогу, а

хороший кирпич складывать отдельно. Его куда-то увозили. Охрана – только полицейские. Их много, со всех сторон стоят, не убежишь. Немцев нет.

Неделя проходит, другая. Мы работаем. Я смотрю, что нас на допросы не водят, значит просто потребовалась рабочая сила вот и нахватали людишек, за которых никто и ничего не спросит. Цели могли быть разные. Начиная от бургомистра, который нахалюву себе дом решил построить, до поставок этого кирпича на военные нужды. Об этом не спросишь.

Самое главное в этом заключении – пережить ночь. Мы ночью лежим вповалку на соломенной трухе, воздуха не хватает. Более пожилым – совсем туго. А ещё нас донимают крысы. Они бегают по спящим людям и кусают за пальцы рук и ног, если обувь совсем никудышная.

За пальцы ног я не беспокоюсь. Трофим дал мне, хоть и старые, но ещё крепкие с коротко обрезанными голенищами сапоги. Тут крысам делать нечего, а вот руки я прячу в рукава. Ещё я боюсь, что укусят за нос. Вчера просыпаюсь ночью от того, что стало трудно дышать. Смотрю, а эта огромная тварь сидит у меня на груди и рассматривает моё лицо. Я шевельнулся, а крыса не убегает, ещё когтями цепляется, чтоб с меня не съехать. Со зла хватаю её за шкурку и бросаю в сторону. Кто-то, куда упала крыса, выругался.

Сегодня я расколачиваю старую кладку стен и избегаю во-

зить тачку с боем на дороге. С тачкой я совсем обезножу, нагрузка большая. Но сегодня мне не повезло. Один парень упал с тачкой и повредил колено. Полицейский подходит ко мне, берёт меня за шиворот, подводит к тачке и приказывает: «Вези». Я хватаюсь за ручки и везу, но до конца не довёз, резко заболели ноги, в глазах поплыли круги и я упускаю тачку. Ко мне бежит, ругаясь, полицейский. Подбежал, ткнул меня кулаком в лицо и велел очищать от извести целый кирпич.

Мы отбираем целый кирпич и сбиваем с него топорами известь. Мы, это я и один высокий мужчина лет тридцати. Его зовут Олег. По виду и по манерам интеллигент. Мы сразу с ним разговорились и как-то сдружились.

– Ты, Петро, не спеши жилы на немчуру тянуть. Смотрят – работай, а лучше показывай, что работаешь, не смотрят – волынь. – Поучает он. – Ты кто по специальности?

– Тракторист, – отвечаю.

– Не похож ты на тракториста.

– Почему же?

Ухмыльнулся. Смотрит заинтересованно и со смешком.

– Пальцы у тебя тонкие, длинные. Такими пальцами удобно на рояле играть или кошельки из карманов тянуть, а не ключами гайки закручивать.

– У тебя тоже пальцы не молотобойца в кузне. – Киваю на его руки. – Я тракторист, а ты кто?

Олег усмехнулся.

– Я вор. – Отвечает он просто, – и тут же спрашивает:

– Ты как думаешь, разберём мы эти разбомблённые дома, замостим дорогу, и нас сразу по домам распустят? – и тут же сам отвечает. – Разевай рот шире. От даровой рабочей силы ещё никто не отказывался и от нас никто не откажется. Сделаем работу здесь – нас в другое место перебросят. Мы для них пыль. Заметь. Они даже по нам учёт не ведут. Им наши имена не нужны... Это не плен, а какая-то самодеятельность ретивого чиновника.

– Я тоже так думаю, отвечаю я, – никаких допросов и обвинений не предъявляют, работай и всё.

– Олег помолчал и продолжил. – Я здесь долго не задержусь.

– Что, сбежишь?

– Почему сбежишь? Есть и другие средства выбраться из тюрьмы. Например, подкуп. Подкуп должностных лиц ещё в мире никто и нигде не отменял. Человеческие слабости, всегда и везде остаются человеческими слабостями. У меня есть на воле влиятельные друзья, только как им сообщить, что я здесь? А то бы вывели меня давно отсюда под белые руки.

Проходит неделя, но Олега никто из тюрьмы под белые руки не выводит. Он погрузился, стал нервный.

– Бежать надо, – говорю я ему, а не ждать манны небесной.

Вдвоём бежать сподручнее.

– И как ты это собираешься сделать? – спрашивает Олег.

– Здесь один охранник есть, ни рыба, ни мясо. Он всё время чего-то ест. Толстый такой, глаза навывкате. Другие полицейские смотрят, придираются, в спину прикладом тычут, а этому всё по барабану. Если его старший полицейский не видит, то он сядет и сидит на битых кирпичках. Рвения никакого. Да ещё бывает и от нас отвернётся.

– И как же ты думаешь дело обтяпать?

– Всё просто. Подобьём с тобой нависшую часть стены на втором этаже. Мы же здесь вдвоём работаем. Обрушим её в нужный момент, когда полицейский отвернётся. Этот полицейский и доложит, что нас стеной задавило.

– А мы где будем?

– А мы, пока он рот раззявит, будем уже метров за сто отсюда, в развалинах другого дома, который ещё не разбирают. Нам главное, чтоб полицейские обязательно подумали, что нас засыпало, преследования не будет. А так побежишь, так сразу поймают.

– Хорошо толкуешь, посмотрим, как будет на деле...

А на деле получилось всё совершенно не так. Стену мы, уже ближе к вечеру подковыряли, а вот столкнуть её не успели, неожиданно разразился ливень с сильным порывистым ветром. Полицейский отвернулся. Мы с Олегом, не долго думая, прячемся под бетонной плитой, что лежит рядом. Под ней

достаточно много места. Только мы залезли под плиту, как в этот момент, стена начала рушиться.

После того, как грохот от упавшей стены утих, а пыль осела, с наружи до нас донёсся крик: «Рабочих стеной задавило!». Это кричит наш полицейский. Он видел, что мы стояли на том самом месте, куда рухнула кирпичная стена, но не видел, как мы спрятались от дождя под плиту.

Мы сидим под завалом и не подаём признаков жизни. Полицейские заставляют рабочих растаскивать завал, но те не спешат, за день устали. Потом и полицейские отказались от этой затеи, оставив эту работу до утра, дескать, к покойникам спешить незачем, подождут.

Когда полицаи и рабочие ушли, мы ещё долго лежим под плитой, обдумывая сложившееся положение. Однако, думай не думай, а выбираться как-то надо. Стали мы с Олегом ползать под плитой и ощупывать, образованные завалом стенки. Если где-то нам и удавалось вытащить с десятков кирпичей, то дальше мы натыкались на прочную известковую кладку упавшей стены. Тут без инструмента никак.

Ситуация в начале сложилась в нашу пользу – из под завала можно было вылезти и ночью убежать, но потом мы всё больше и больше начинали убеждаться, что выбраться из этого капкана самостоятельно нельзя. Радовало одно – мы живы и завтра нас откопают.

Мы лежим под плитой и ждём, когда наступит завтра. И вдруг я чувствую, как нечто, похожее на кошку, трётся о моё колено. Я протягиваю руку и в сумраке нащупываю шерстяную головку с ушками. Это кошка. Она мурлычит и ластится к нам.

– Постой, говорит Олег, – как она сюда пробралась?

– Она не человек, ей дырки диаметром с консервную банку достаточно, – отвечаю я.

– А где эта дырка? Надо за кошкой понаблюдать.

Наблюдать за кошкой мы можем, тем более что животное белого цвета с пятнышками на голове и спине. К нам, через трещину в плите проникает немного света и мы чуть-чуть ориентируемся.

Кошка, потёршись о наши ноги, решила от нас уйти. Она медленно идёт мимо нас и мгновенно исчезает. Мы тут же осматриваем это место и нащупываем небольшую дырку, которая ведёт куда-то вниз. Начинаем её руками расширять. В начале идёт земля, потом трухлявая кирпичная кладка, а за ней руки проваливаются в пустоту. «Это подвальное помещение», – соображаем мы и быстро расширяем отверстие. Бросаем в него камешек. По времени падения определяем, что подвал совсем не высокий.

Первым лезет Олег. Я держу его за руки, а он всё ниже и ниже спускается в это отверстие, однако, пола не достаёт.

– Отпускай, – говорит мне Олег. Я отпускаю его руки. Слышу, как Олег приземляется.

– Здесь земляной пол, – говорит он снизу. – Давай спускайся, я придерживу.

– Спускаюсь... Спускаюсь...

Наконец и я внизу.

– Мы в подвале, но есть ли из него выход?– спрашиваю я.

– Выход должен быть, ведь кошка как-то сюда проникла, – говорит Олег.

Мы ошупью идём по подвалу и вдруг видим свет. Он струится через подвальное окно. Подходим ближе и видим нашу мурку. Она сидит за окном и умывается.

Вытащить старую раму дело несложное. И вот мы на свободе. По битым кирпичам уходим в дальний разрушенный бомбами дом, находим там уцелевшую комнату с кроватью и растягиваемся на ней. Сразу засыпаем.

После войны в доме пограничника были всегда кошки белого цвета с крапинками. Другого цвета кошек Пётр Андрияновичне признавал.

Просыпаемся утром от чувства голода. Лежим на кровати, разговариваем.

– Мы свои жизни по жребию, что ли выиграла, – говорю я, ведь удавило бы!

– У меня в жизни знаешь, сколько таких жребиев было, не сосчитать, – отвечает Олег.

– А ты, что, правда вор, или пошутил?

– Правда, правда. Чего мне шутить.

– Как же тебя полицаи замели? – Я слышал, что все воры умные и сообразительные.

– И на маруху бывает проруха. Ладно, об этом. Голод не тётка, надо и о желудке позаботится. Пошли со мной. Здесь нам больше делать нечего.

Олег встаёт.

– Куда собрался? – Спрашиваю.

– В кабак... – говорит он просто, слезает с кровати и направляется к выходу. Я иду за ним.

– Нас полицаи не схватят? – спрашиваю.

– Не бойсь.

Мы идём какими-то дворами, переулками и закоулками.

Через сорок минут мы уже сидим в подвальчике и уминаем говяжьи котлеты. Олег шутит с официантками. Чувствуется, что его здесь знают. Он берёт всё в долг и лукаво улыбается.

В подвальчик входят двое хорошо одетых мужчин. Они смеются и обнимаются с Олегом. Один из них, приземистый, держит большой, перевязанный бечёвкой, пакет. Он отдаёт пакет Олегу и говорит:

– Это одежда, а это к ней, – и протягивает ему новенький немецкий пистолет.

– Спасибо Циркач.

– А он с нами? – Циркач кивает на меня.

– Ты с нами? – спрашивает меня Олег и кладёт пистолет в карман, – давай, решай быстрее. Решишь – и завтра франтом будешь сидеть в лучшем ресторане Варшавы, а не в этой забегаловке.

– Спасибо тебе, Олег, не дал погибнуть с голоду, – и отрицательно качаю головой.

– Ну, раз не с нами, не хочешь вольной и сытой жизни, тогда прощай. Живи, как знаешь. Я тебя к нашей жизни не приневоливаю. Собери, что осталось на столе, себе на дорогу.

Я затискиваю хлебные ломтики в карманы, и мы выходим из подвального. Тут же подъезжает откуда-то чёрный оппель.

Блатные влезают в него, машина трогается, а я иду снова жить в свою деревню и в свою школу.

Иду наугад, боюсь попасть в руки полицейских, ведь у меня теперь нет пропуска. На окраине города вижу цыганский табор. Стоят несколько шатров, цыганята бегают, старый цыган моет лошадь. Цыганка у входа в шатёр развешивает на верёвке юбки. И вдруг меня сзади за шкуру хватает чья-то крепкая рука.

– Попался! Пся... кровь..., – и поворачивает меня лицом к себе.

Вижу полиция, а за ним ещё одного.

– Пропуск давай! – а сам дышит в лицо перегаром.

– Откуда у него пропуск, – по роже видно, что он беглый, – говорит второй. – Давай вязать и в комендатуру.

Понимаю, что попался. Наелся в подвальчике котлет, ослабился, потерял осторожность. Надо быстро принимать решение. Сую полицейскому какую-то бумажку, что держал в кармане для самокрутки. Тот пытается развернуть её одной рукой, помогая бородой. На секунду полицейский ослабляет пальцы, я делаю рывок и тут же ныряю за угол дома.

– Убежал, сука! – слышу его крик. – Я за ним, а ты дом обогни... – говорит он второму полицейскому.

Вижу открытую дверь подъезда, ныряю в подъезд и сразу встаю за дверь.

Слышу с улицы:

– В дверь шмыгнул, сволочь, больше некуда. Здесь он от меня никуда не уйдёт. Сам в мышеловку залез. Додумался, убежать в подъезд дома, где я живу! Хо! Хо! Хо!

Большая грузная фигура полицейского входит в подъезд. Я нащупываю рукой половинку кирпича и когда он проходит чуть вперёд, бью его по голове. Удар оказался не точным. Он даже не оглушил полиция, но на некоторое время всё равно вывел его из строя. Этого мне достаточно, чтобы выбежать из подъезда. Второго полицейского на этой стороне дома нет. Бросаю взгляд на цыганский табор и вижу, как цыганка энергично машет мне рукой. Я устремляюсь к ней и сразу ныряю под полог шатра. Следом входит цыганка и

накрывает меня периной.

Слышу, как вокруг дома бегают чертыхаясь полицейские. Топот их ног всё ближе. До меня доносятся слова:

– Сволочь. Шаркнул меня по голове кирпичом. Как найду, так сразу и удавлю, даже в комендатуру не поведу.

– Ты сначала найди, – говорит второй. – Я думаю, что он у цыган. Больше здесь спрятаться негде. Пошли к ним.

Слышу шаги приближающихся полицейских.

– Говори, стерва, где беглый? – это полицейай обращается к цыганке.

– Нет никаких беглых. – Раздаётся её голос. – Не веришь!?! Можешь проверить.

– И проверю... У-у-у... Курва.

Слышу, как полицейский вошёл в шатёр. Цыганята сразу запрыгали на моей перине и чем-то стали бросаться. Полицейский поймал одного цыганёнка за ухо и прорычал:

– Говори змеёныш, где бродяга прячется. Ну! Или ухо оторву.

– Никого нет, господин полицейский, – пропищал детский голос.

– А, чтоб вас, – полицейский вышел.

– Он, наверное, сразу под мосток нырнул. – Проговорил его напарник, – А мы к цыганам пошли.

– Пошли, проверим мосток.

Шаги стали удаляться, а через некоторое время в шатёр вошла цыганка и проговорила:

– Вылезай, червоный.

Затем пришёл цыган, и я рассказал им свою историю.

– Надо помочь человеку, – сказала цыганка.

– Сам знаю. – Проговорил хозяин. – Пешком тебе идти в твою деревню нельзя, далековато. Сцапают по дороге. Завтра в ту сторону Петша едет на повозке. Он тебя заберёт. Сеном накроет и довезёт, – а ты Станка, накорми человека и пусть отдохнёт.

На другой день я оказался снова в своём селе и в школе.

Был такой случай после войны. Пётр Андриянович работал на тракторе. Зимой он этот трактор ремонтировал в 25-ти километрах от деревни в мастерских. Дома его не было по целой неделе. В это время приехал в деревню цыганский табор и расположился на Рудиной стороне, за оврагом. Морозы были сильные и однажды ночью цыгане запросились в дом Петра Андрияновича переночевать. Цыган у нас в деревне побаивались и недолюбливали. В доме были в это время две сестры Петра Андрияновича. От цыган они заняли глухую оборону, заперев все двери и вооружившись ухватами.

Цыгане ушли, а ночью приехал Пётр Андриянович. Узнав об инциденте, он тут же пошёл в табор и привёл цыган к себе на постой. Цыган напоили, накормили. Прожили цыгане четыре дня и уехали, а Пётр Андриянович сказал сёстрам: «Они мне жизнь спасли. Для них у меня всегда дом открыт».

Везение четырнадцатое

После того, как я вернулся в село, на этой же неделе к нам в школу пожаловал пьяный Сыч и обвинил меня в том, что я украл у хозяйки гуся.

– Я тебя за воровство сейчас расстреляю. – Он вытащил пистолет и велел мне одеваться, потом повёл меня по селу и велел прощаться с жителями, которые меня все знали. Процедура прощания такая: подходит Сыч к калитке очередного дома, стучит в неё и требует хозяина и хозяйку выйти. Те выходят, и Сыч им объявляет, что я украл гуся и что вор должен понести за это заслуженную кару. Это значит, что он, полицейский Сычёв, окажет этому вору большую честь и расстреляет его собственной рукой. После этого идёт минута прощания. Женщины меня обнимают и плачут, а мужики жмут на прощание руку и прячут глаза.

Все знают этого Сыча и понимают, что ничего я не крал, а Сыч просто с перепоя выбрал очередную жертву для расправы. Тем более повод был, и у Марьки действительно пропал гусь или гусыня. Она целый час ходит по селу и манит: «Тега! Тега! Тега!»

Люди из школы говорили, что Сыч иногда собственноручно производит такие расстрелы, но расстреливает только поселенцев из школы, так как знает, что ему за тамошний сброд, то есть за нас, ничего не будет, даже похвалят за рвение.

Наконец прощальная процедура у последнего дома закончена, и Сыч ведёт меня к оврагу. Этот овраг и ту кручу я знаю, видел. Пройдя, не больше ста метров, нам наперерез выбегает пожилая женщина и кричит: «Гусь у Марьки нашёлся! В кадущку, сваленную набок, залез! Лихоманка его туда занесла! А ты, ирод, неповинного человека стрелять ведёшь! Как твои бесстыжие глаза не лопнут! Отпусти, окаянный!».

– Но-но, Лукерья, потише, – опешил Сыч. – Если щас не украл, то завтра украдёт, а это острастка для других будет! – прохрипел Сыч и повёл меня дальше. До оврага оставалось совсем ничего.

Я иду и думаю только о том, как упредить выстрел? Перехватить руку полиция я не могу, Сыч, с пистолетом наизготовку, идёт на безопасном для него расстоянии. Решаю: «Как только полицейский меня поставит перед обрывом, то я до выстрела прыгну в овраг, а там попробуй, попади, тем более сгущаются вечерние сумерки.

До обрыва осталось два шага. Делаю эти два шага и... Тело всё напряглось. Руки у меня за спиной, но развязаны. Сыч никого не водит со связанными руками. Очень сильный и цепкий по природе он не боится нападения одного человека. И вот этот последний шаг. Я его делаю и тут же проваливаюсь во мрак.

Везение пятнадцатое

Очнулся. Лежу на дне оврага. Ярко светит луна, голова гудит. Начинаю ощупывать тело руками, пытаюсь определить, куда ранен? Немного двигаю ногами. Руки и ноги работают, сильно гудит и болит одна голова. Ощупываю голову. На затылке нащупываю рукой рану, она кровоточит. Нет, это не рана от пули. Значит, Сыч ударил меня рукояткой пистолета по голове, и я улетел в овраг. Получается – я живой и даже почти невредимый. Надо попытаться встать. Я встаю, и, пошатываясь, бреду по дну оврага. Затем выбираюсь наверх и иду в школу. На крыльце вижу Володьку. Он обнимает меня и ведёт в комнату. Здесь и рассказал мне друг, что в школу недавно приходил Сыч, устроил здесь застолье и поручил нескольким постояльцам поутру прикопать меня в овраге, чтоб не смердило. «Я, – говорит, – ему мозг вынес».

Друг обрадовался, что я живой, перевязал мне голову, но, в тоже время, он был сильно обеспокоен моим положением, потому, как Сыч не смирится с таким позором и обязательно добьёт жертву.

– Тебе надо на дня два-три скрыться от Сычёвых глаз у какой-нибудь из хозяек, а я к тому времени всё устрою, – говорит Володька. – Что ты такой невезучий? То в тюрьму угодил, то к Сычу чуть на мушку не попал.

– Что ты, Володька, можешь устроить? – спрашиваю, – ты такой же бедолага как и я.

– Это не твоя забота. Твоя забота – исчезнуть ненадолго

из поля зрения Сыча и всё.

Я соглашаюсь и вечером, чтобы никто не видел, пробираться в баньку своей спасительницы тёти Мотри. Женщина продержала меня в баньке четыре дня, а потом появился Володька. Он дал мне какую-то бумажку. Я развернул и ещё больше удивился, это был пропуск на торфяной завод, где я и Володька уже числимся рабочими. Рабочий с завода и с документом – это что-то.

Теперь для Сыча мы недостижимы.

Везение шестнадцатое

Утром с рабочими мы входим в ворота завода и нас отправляют копать канавы, для отвода воды. На копке канав я опять услышал рассказы о действиях партизан. Зимой в селе я тоже о них слышал, люди говорили. Я тогда пытался осторожно выяснить места их дислокации у хозяина-столяра. Тот понял, к чему я клоню и говорит.

– Ты вот что, Петро. О партизанах пока не думай. Твоя задача ноги вылечить, чтоб нагрузку терпели. Ну, какой из тебя партизан? Они по лесам стокилометровые переходы делают при оружии, боеприпасах и прочем. Ты столько пройти сможешь? Нет, не сможешь. Так что сиди до весны и не рыпайся. Хотя мне твой настрой нравится. Другие вон беженцы, из молодых, прижились у вдовушек и ни о чём не думают.

А я думал. И чем явственнее приближалась весна, тем сильнее мной овладевало желание уйти к партизанам и вое-

вать. Воевать за тех, кто погиб на ржаном поле, за тех, кого эсесовцы пристрелили в госпитале, за тех, кто не добежал до леса и остался лежать, настигнутый пулемётной очередью.

Однажды я сказал об этом Володьке и предложил идти к партизанам вместе, а не добывать здесь торф для немчуры. Тот отставил лопату и очень просто сказал:

– Знаешь, дружище, быть партизаном это не только по лесам с винтовкой бегать и немчуру где-то выслеживать. Вот ты сейчас с винтовкой по лесам не бегаешь, а с немцами воюешь, – и он хитро улыбнулся.

– Как это так? Ты, Володька, говори, да не заговаривайся. С кем это я здесь воюю?

– А ты знаешь, что я сам и есть партизан, только партизан-подпольщик, понял. Ты думаешь, я просто так в школе жил? Я там к людям присматривался и стоящих в партизанский отряд отправлял. Знаешь, сколько их из этой школы к партизаном ушло!? Вот так-то. А то в лес он захотел...

– А мне почему ничего не сказал и к партизанам не направил? Сомневался во мне, значит?! – сержусь я.

– В тебе я не сомневался ни минуты. Давно бы был в партизанах, если б не твои ноги. При себе держал, как самого надёжного, на всякий случай. А болтать до времени не приучен. Тебе, кстати, пришлось жить у тётки Мотри в бане после сычёвского расстрела потому, что мне надо было согласовать твою переброску в отряд. Согласовать-то я согласовал, только команда поступила другая, командование отряда

приказало тебе перейти на нелегальную работу и определило нас на этот завод. Так что гляди в оба, ничем себя не выдавай. Скоро нас переведут работать на склад, будешь вплотную работать с писарем. Через него будешь получать липовые накладные и так далее. Он тебе всё скажет.

Такого резкого поворота в жизни я не ожидал.

Я и Володька работаем на вещевом складе.

Директор завода у партизан свой человек, нам же надлежит через заводской склад снабжать партизан одеждой, обувью и всем необходимым. Володька работает на приёмке продукции, а я на выдаче.

Писарь, угрюмый, пожилой человек, встретил меня не очень ласково, даже накричал. А когда мы остались одни, то попросил не обижаться и что это надо для порядка, чтоб все видели. Затем, понизив голос, говорит:

– Инструкции простые – обычные немецкие машины грузите, как и положено, согласно документации. Партизанские машины тоже грузите согласно документации, только липовой. Партизанская машина будет приходить всегда одна и та же, с одним и тем же водителем. Я её тебе покажу. Главное, чтоб офицер, отвечающий за склады, ничего не заподозрил. Следи за порядком, немцам это нравится.

Даже странно как-то. Я теперь партизан-подпольщик. Я чётко выполняю поручения немецкого офицера, порядок на

складе у меня отменный и лейтенанту это очень нравится. Грузы со склада, уходят своими дорогами. Я, как и Володька щеголяем в хороших сапогах и всё на нас чистое и приличное. Этого требует офицер. Он говорит, что мы лицо склада. Такая жизнь ни мне, ни Володьке даже не снилась.

И всё бы было хорошо, если б не офицерская собачонка по имени Пита. Маленькая, злая, фунт веса, она, почему-то сразу стала относиться ко мне настороженно. Что ей не нравилось во мне неизвестно, то ли своим фашистским нутром чуяла псина, что этот рабочий не тот, за кого себя выдаёт, то ли чего ещё. А может быть она недовольна тем, что и меня, и собачку офицер называл одним именем – Пита. И когда он зовёт «Пита», к нему бежим я, и собачка одновременно. Это офицеру нравится, это его веселит. Таким образом, проявляется в нём его фашистская натура. Собачку наоборот, это злит и она на меня злобно рычит, когда мы вместе подбегаем к унтеру. Видимо, она считает меня своим соперником в отношении к хозяину и ревнует.

Инцидент произошёл в один из дней, когда офицер уехал в округ, а собачка осталась полностью на моём попечении. При загрузке машины, она могла попасть под её колесо и офицер приказал в его отсутствие Питу на это время привязывать. Но Пита мне не подчинилась и юркнула под машину. Без применения палки выгнать её оттуда было нельзя. Вот я и шуганул Питу из под машины метлой. И это было главной моей ошибкой. Пита такого неделикатного обращения мне

не простила и озлобилась. В отсутствие хозяина, она на меня лаяла и близко не подпускала, а когда приехал офицер, она просто стала преследовать меня и хватать зубами за каблучки.

Я рассказал про инцидент своему другу Володьке. Тот настоятельно потребовал, чтоб я подружился с собачкой, это в интересах партизан.

– Надо разрулить эту ссору. Нас из-за этой собачки могут вытурить со склада, офицер найдёт новых кладовщиков и необязательно из партизан. Сам понимаешь, – говорит он.

Подружиться с Питой никак не выходило. Мало того, собачка, заметив дружеские отношения меня и Володьки, перенесла свою ревность и на него. Офицер заподозрил неладное в отношении рабочих склада и Питы и разрешил конфликт очень просто. Он позвал меня и говорит: «Мне, очень нравится, как ты ведёшь дела на складе. У тебя чисто, настоящий немецкий порядок, но мне не нравится ваши отношения с моей собачкой. Это плёхо. И если немецкому офицеру приходится выбирать между русским рабочим и арийской собачкой, то я как патриот Рейха выбираю последнюю, а ты иди снова копать канавы и своего дружка прихвати, чтоб не скучно было, его Пита тоже почему-то невзлюбила.

На этом наша работа с Володькой на складе закончилась.

Везение семнадцатое

Если досадную оплошность на складе, можно назвать про-

сто оплошностью, или невезением, то случай на копке траншей так уже не назовёшь. Да и кто мог подумать, что среди рабочих-канавщиков заведётся настоящая гнида.

Все рабочие на копке канав наёмные и получают деньги в зависимости от объёма выполненных работ. С нами же находятся и немецкие солдаты, вооружённые трёхлинейками. Солдаты все пожилые и живут они в сторожке на краю леса. Чего они здесь охраняют совсем непонятно. Не понимаем этого ни мы, ни сами немцы. Рабочие никуда не убегут, на этих канавах они трудятся по собственной воле, зарабатывают хлеб насущный, зачем им бежать? Охранять сточные канавы – смысла нет, они никому не нужны и тоже никуда не денутся. А немцев это радует – никто не нападёт и никто не убежит, рай, а не служба. Они большей частью пьют самогон, распевают песни и рассматривают довоенные фотографии своих жён, детей, внуков да режутся в карты. А что ещё делать пожилым людям, хоть они и немцы.

– Зачем нас здесь держат! – возмущаюсь я в разговоре с Володькой. – Отозвали бы в отряд, и мы бы с немцами воевали, а ни эти дурацкие канавы рыли.

– Не отзывают, значит так надо, – отвечает Володька. – Мы с тобой всех моментов не знаем. Завтра этого Курта с собачкой переведут в другое место или на другой завод и нас снова на склад отправят. Такое ведь тоже может быть. На заводе, я думаю, не так-то много подпольщиков, каждый на счету, вот нас и держат в запасе. Поживём – увидим.

Только пожить на заводе на копке траншей долго нам не удалось. И произошло это не по воле немцев, а по досадному случаю. Однажды немцы устроили на поляне тир. Поставили лопату в конце поляны, выдали каждому рабочему по три патрона, показали, как заряжать и стрелять и пальба началась. Подошла очередь стрелять и мне. Я без всякой осторожности, легко и просто взял до боли родную трёхлинейную винтовку, положил ствол на пенёк и передёрнул затвор. Как говорится, молодо-зелено.

В это время я не видел, как одни цепкие глаза наблюдают за каждым моим движением. А когда я, быстро перезаряжая и не менее быстро целясь, всадил чуть ли не в десятку все три пули в лопату, после этого наша история с Володькой чуть не закончилась плачевно.

– Очень корош... Очень корош, – говорит немец, руководивший стрельбами. – Я знай – ты охота. Я тоже охота. – И он тычет себя пальцем в грудь.

Для понятливости он хлопает руками, как хлопает крыльями утка, и изображает стреляющего по птице охотника.

– Да, да. Я охотник, – и тычу себя в грудь. – Вся фамилия охотники, – подтверждаю я.

Ни Володька, ни я не видели, как к немецким солдатам подошёл этот рабочий с цепким взглядом и что-то сказал. А через минуту ко мне подходит тот самый немец из охотников и говорит:

– Рабочий из ваших, пошёл в полицию докладывать о том,

что вы и ваш товарищ – партизанен. Я ему сказал, что ты охотник, а он не верит. Он сказал, что ты хорошо обращаешься с боевым оружием и метко стреляешь. Он приведёт гестапо. Вам надо немедленно уходить, гестапо это плохо.

И вот, мы с Володькой бежим в направлении леса по канавам залитыми водой. Другого пути нет. Сзади раздаются выстрелы русской трёхлинейки. Это немецкий солдат-старичок имитирует патриотизм Гитлеру. Затем доносится лай овчарок и автоматные очереди. Началась настоящая погоня.

Мы бежим, вслушиваясь в злобный лай. Я думаю о том, что в этих канавах у нас с собаками примерный паритет в скорости передвижения.

Овчарки плюхаются в канавы, рычат, захлёбываются, и, не доставая ногами дна, перебираются вплавь, выбираются из одной канавы и тут же плюхаются в другую. Я знаю, что ближе к опушке леса, канавы кончатся и вот тогда эти натасканные на людей псы нас настигнут очень быстро, а у нас в руках для самообороны ничего нет.

– Нам бы, Петро, только до опушки добежать, только до опушки и мы спасены! – повторяет Володька.

– Разве там, какую-никакую палку найдём, – отвечаю я. Володька молчит. И вот она опушка, дорога, а за дорогой стоит раскидистый большой дуб. Володька бросается к дубу, я за ним. В голове мелькнуло: «Неужели он решил спастись

от собак на дереве. От собак спасёшься, а от жандармов нет».

Но, Володька и не думает лезть на дерево. Он ныряет под крону и быстро начинает руками разгребать почву. В это время с поля вылетает пятёрка разъярённых овчарок. Они уже совсем рядом, а Володька разгребает и разгребает землю. Наконец он выдёргивает из земли ручной пулемёт, сбрасывает с него покрывало, передёргивает затвор и даёт длинную очередь. Два пса падают от нас буквально за три метра, другие заскулили и завертелись на месте.

После этой очереди, мы встали. Володька закинул за спину пулемёт и мы, не торопясь, пошли вдоль лесной опушки. Сзади было слышно, как скулят раненые псы, а вот автоматных очередей не слышно.

– Кажется, преследование прекратилось, – говорю я.

– Они не дураки на пулемёт лезть, – Володька смеётся.

– А чё ж ты мне про пулемёт не сказал?

– Болтун – находка для шпиона. А теперь в отряд. Доложим обо всём и будем ждать решения, – ответил он.

В отряде

Прибыв в отряд, первым кого я увидел, это Лёньку-сорвиголову. Он сидит на поваленном стволе дерева и рассказывает, окружившим его партизанам, что-то весёлое. То и дело раздаётся смех. Увидев меня, он встаёт и идёт навстречу.

– А! Пётр Андрияныч! – рокошет он басом, – добро пожаловать, добро.

– А ты здесь откуда? – спрашиваю его я недоумённо, зная что он служит в полиции у немцев.

– А всё откуда, – сказал Лёнька и подмигивает товарищам. – Ты со мной тогда не пошёл, а зря. Пришёл я к бургомистру, так и так, хочу служить великой Германии. Небольшую сценку разыграл, мне поверили, выдали обмундирование, сапоги, дали карабин, поставили на довольствие. А довольствие у немцев, это не довольствие в школе. В общем, отъелся я у них, присмотрелся, прознал про партизан. Они как раз партизана из отряда повязали. Вот мы с этим парнем от немцев и ушли, прихватив с собой документы и немецкого офицера.

Без всякого шума и пыли ушли. Этого офицера я подпол, посадили его в коляску мотоцикла и в отряд. Всё просто. Здесь я воюю в разведке. Ты знаешь, как меня здесь зовут? – и, не дожидаясь ответа, говорит, – Сорвиголова я здесь, – и хохочет. Вишь, как припечаталось, хотя я этого прозвища, что дали мне в школе никому здесь не говорил...

Ты знаешь, я в школе сразу понял, что на партизан нам там не выйти, не по лесам же их бегать искать. Вот и придумал план с полицией. Главное, сработало.

Немного погодя нас, бывших подпольщиков, вызвал к себе командир отряда. Он всё знал и про собаку Питу, и про меткую стрельбу, и про побег из больницы и с принудительных работ.

– Откуда вы всё знаете? – удивляюсь я.

– Если мы ничего не будем знать, а будем только по лесам в землянках сидеть, то грош нам цена, – отвечает он. – А теперь надо подумать, куда тебя, пограничник, определить, чтоб больше толку было.

– Он немного помолчал, потом сказал, – ты, пограничник, пойдёшь в группу подрывников. У нас там ребята лихие, но все из гражданских, военных знаний маловато. Вас ведь в погранотряде хорошо обучали! Пограничные войска всегда были лучшими в войсках СССР. Думаю, про минное дело вам там рассказывали, про всякие там способы скрытности, маскировки в секрете и так далее. Так ведь?!

– У меня было всё на отлично, товарищ командир, – отчеканиваю я.

– Вот и хорошо, – говорит он, – нам у подрывников как раз такой боец и нужен. – Затем говорит Володьке. – Проводите бойца Африкантова к подрывникам, пусть знакомится и воюет.

– Есть воевать! – говорю я громко и, повернувшись по военному, иду к выходу.

– Ну, вот, солдата сразу видно, – донеслось мне вслед.

И потянулись партизанские военные будни. И будни эти были суровые.

Немцы хорошо охраняли железные дороги и мосты, С наскока не возьмёшь. Лес нигде не подступает к железнодоро-

рожной насыпи, его на значительное расстояние немцы вырубали; По железке то и дело курсируют дрезины с солдатами – автоматы и пулемёты у них всегда наготове, шныряют обходчики; однако самым паршивым делом – являются секреты и конная жандармерия. Для секретов немцы тайно оборудуют места наблюдений и тщательно их маскируют. В секретах сидит по два-три немца. Они не курят, не шевелятся, не разговаривают и даже не кашляют. Эти, притаившиеся замаскированные фашисты, выявляют партизанские группы подрывников на подходе к железнодорожным магистралям.

Устраивают такие секреты, как правило, в кустарниках. Если солдаты с дрезины, обходчики или наблюдатели секретов обнаруживают партизан-диверсантов они сразу начинают их обстреливать и пускают ракету. Ракета – это сигнал для конной жандармерии. Партизаны, в случае обнаружения, пытаются отойти, но тут в бой вступает конная жандармерия или конная полиция. Они быстро охватывают участок, где обнаружены подрывники, и выйти из этого капкана бывает очень сложно. Как правило, без потерь такие стычки не проходят. Иногда после боя не досчитывается до половины состава группы.

Только и на немецкие премудрости были свои хитрости. Прежде чем бросаться взрывать мост или железнодорожное полотно, мы через своих людей в деревне, или на железнодорожной станции узнаём – уходят ли немцы рано утром или поздно вечером небольшими группами и когда приходят?

Если такие факты есть, то можно точно сказать, что уходят они менять секреты.

Узнав, в каком направлении уходят немцы, мы начинаем вычислять точки залегания секретов. Иногда, чтобы определить нахождение немецкого секрета приходится неделю и больше сидеть в своём секрете и наблюдать за продвижениями немцев.

Враг меняет солдат в секретах тоже незаметно. Например, идёт группа немцев, обогнули солдаты с двух сторон невысокий кустарник и продолжили путь дальше. Вроде бы ничего особенного не произошло. Неопытный, боец даже не заметит, как фрицы в считанные секунды заменили свой секрет в кустарнике.

После обнаружения секрета мы не торопимся его уничтожать, а начинаем отслеживать время смены в нём солдат, частоту движения грузовых составов, частоту проезда дрезин и периодичность обхода участков солдатами из роты охраны железных дорог. И только тогда, когда мы это всё узнаем, то и определяем время минирования дороги. То есть, определяем те минуты, когда мы должны начать операцию.

Подходит расчётное время и группа партизан быстро и, главное, бесшумно уничтожает секрет противника, и тут же, не теряя ни минуты, бежит, идёт, или ползёт к железнодорожной насыпи. Обязательно оставляя группу прикрытия.

После минирования железнодорожного пути группа быстро отходит. Закладывает заряд обычно один человек. Он

рискует больше всех. Бикфордовых шнуров мало, их экономим. Боец поджигает шнур, или дёргает за бечёвку тогда, когда он видит движущийся поезд и этот поезд уже не может остановиться, даже если машинист видит партизан.

Вот мина сработала, состав летит под откос. С этого момента начинается самый тяжёлый временной отрезок. Немецкие летучие отряды и конная жандармерия не бросаются к месту взрыва. Они стараются охватить это место большим кольцом или полукольцом, если им ясно, куда отходят партизаны. Запереть в этом полукольце партизан – главная задача всех этих конных летучих отрядов. Когда им это удаётся, они при помощи подкреплений прочёсывают это полукольцо и уничтожают партизан.

Только осуществить такое им далеко не всегда удаётся. Если мы оказываемся в западне, то начинаем искать выход из сложившегося положения.

Везение восемнадцатое и девятнадцатое

В этой главе я расскажу, как однажды я со своей группой подрывников попал вот в такое самое окружение.

Тёплый, солнечный осенний денёк. Моё отделение подрывников прошло десятки километров, оно возвращается с задания и уже подходит к своему лесу, где дислоцирован наш отряд. До леса по склону глубокого оврага, чуть больше километра.

Дойдя до небольшого кустарника, мы буквально валимся

на землю, ноги не идут. Близость базы нас немного расслабляет.

Мы довольны, как-никак, взорвали линию железной дороги и пустили под откос состав с живой силой и техникой. А вот отход у нас оказался не столь гладким. Мы были зажаты конными егерями и ротой охраны в небольшом леске в клещи и выхода, казалось, не было никакого. В какую сторону не выглянешь из леса – везде по два-три конника, а нас всего шесть человек. Как прорваться? А прорываться надо немедленно. Егеря отрезают нам путь к отступлению и ждут подхода тех солдат, что прочёсывают лес. Егеря никуда не торопятся. Скоро им на помощь подойдёт ещё машина с автоматчиками и вопрос будет решён. Немцы просто выкосят этот лесок автоматными и пулемётными очередями, а то ещё и миномёты применяют.

Я командир этого запертого в леске отделения. В голове один вопрос и тот без ответа: «Почему так быстро подошли конные егеря??» По моим расчётам они должны была подойти минут через двадцать, не раньше. Что это – нелепое совпадение, или немцы как-то узнали о выступлении подрывников? Может быть предательство на станции или в деревне? Сейчас на эти вопросы не ответить, надо принимать решение. Идти на прорыв через егерей – значит погубить группу. Отступать назад? Этот вариант не пройдёт – от железной дороги партизан подпирают солдаты из охраны железных дорог. Они идут цепью по лесочку и поливают из автоматов

всё, что видят впереди без разбора.

«А что, если?» – мелькнуло в голове.

– Отделение, за мной, – говорю я и бегу назад в сторону прочёсывающих лес солдат, забирая влево. Вскоре мы добежали до огромных елей.

– Прячьтесь за их стволами под ветками, – командую я, и мы ныряем под лапы огромных елей, доходящих до земли, и встаём за стволы. Фрицы обязательно плотно обстреляют эти ели, но стволы пули не пробьют.

Расчёт был рискованный, но в нашем положении, единственно верный. Немецкие солдаты охраны вряд ли будут осматривать каждую ель, и совать голову в их кроны. Они уверены, что русские убегают от них, зачем им прятаться под деревьями? С егерями бы такая обманка не прошла.

Но и солдаты охраны не дураки. Подходя к еле, они начинают её обстреливать, затем проходят её и обстреливают ещё раз с другой стороны. С боку они крону дерева обстреливать не могут, так, как при прочёсывании идут шеренгой и в этом случае обязательно попадут в своих. Мы пользуемся этим и ждём, стоя за стволом, когда немцы пройдут ель, и быстро перемещаемся на другую сторону ствола. Немцы обстреливают дерево с другой стороны, но мы опять не уязвимы.

Мы выждали, когда мимо елей, строча из автоматов, прошли немецкие солдаты. Ещё минута и мы бегом устремляемся по лесу в сторону железной дороги. Пробежав с полки-

лометра, падаем в заросли шиповника и затаиваемся.

– Мы что, опять к железной дороге идём, – спрашивает меня мой заместитель по кличке Грач. – Там же немцев полно, линию восстанавливают, вагоны поднимают. Разве к ним можно приближаться?

– Там, Грач, сейчас самое безопасное место, – говорю я. – Туда нам надо незаметно подойти. Опять перейдём пересохшую речку и по овражку, что тянется к насыпи, дойдём до железной дороги. Этот овражек мы все видели, во время установки заряда. Когда дойдём до железной дороги, осмотримся. Нам желательно перейти железку и по той стороне от железной дороги уйти.

– А в овражке пересидеть нельзя? – спрашивает Грач.

– Можно, только с одним условием, что к нему никакой солдатик вермахта не пойдёт справить нужду. Егеря, конечно, быстро поймут, что нас в том лесочке нет, и будут искать. Додумаются ли они до того, что мы у железной дороги прячемся, под самым носом у немцев? – вопрос. Хотелось бы, чтоб не додумались.

С моим планом все согласились. Примерно, через полчаса мы уже сидим в овражке около железной дороги и вслушиваемся в гортанную немецкую речь, отрывистые команды унтеров, лязг инструментов о рельсы. Мы ждём своего часа, а точнее своей заветной минуты, чтобы переползти насыпь и рельсы. Но такой минуты нам днём, к сожалению, немцы

не предоставили.

Из овражка мы видим, как на противоположной стороне речки, на её пологий берег из леса, откуда мы недавно убежали, выехали на лошадях немецкие егеря. Они осматривают местность, даже смотрят в сторону железной дороги в бинокль. Однако к речке не спускаются, видно решили, что туда, к железной дороге, где полно немцев, мы не сунемся. Это они не сунутся, а мы сунулись. Наконец егеря вздыбили своих широкогрудых и большегривых лошадей и стали на рысях уходить, обходя опушку с левой стороны. В лесу им больше делать было нечего.

Мы же, после ухода егерей, облегчённо вздохнули, дождались густых сумерек, и пошли знакомым нам путём назад. Только до отряда было ещё далековато. Перед этим была ещё ночёвка в лесу и только потом затяжной подъём к заветному лесу, где располагался наш отряд.

Итак, вот он рядом наш лес, там отряд, там заслуженный отдых. Мы лежим в низкорослом кустарнике дикой смородины и щуримся на тёплое солнце. Слева от нас, до самого леса, простирается крутой и широкий овраг. На той стороне оврага селяне копают картошку.

– Остаёшься за старшего, – говорю Грачу, – а я пойду к хозяину, что картошку копает, может табачком разживусь, да и узнаю, как у них в селе немцы есть, или нет?

Перебираюсь через овраг, сажусь рядом с дядькой на те-

легу, тот отсыпает мне в кисет самосада, мы разговариваем.

Немного погодя слышу крики. Кричат с той стороны оврага. Оглядываюсь. Мои бойцы кричат и показывают на восток карабинами и автоматами. Я смотрю, куда показывают партизаны, и сердце у меня ёкает. От края поля, по левой и правой стороне оврага рысит отряд немецкой жандармерии.

Быстро соскакиваю с телеги, делаю отмашку отделению – «Уходите к лесу», а сам, пригибаясь и, петляя между кустами и деревьями, бегу тоже к лесу, но по своей стороне оврага. В овраг прыгать, чтобы соединиться с отделением бессмысленно, меня там сразу запрут и на аркане притащат в комендатуру.

Хорошо, что у меня всегда на груди ручной пулемёт. С ним я не расстаюсь никогда. Как я не беги, но егеря на лошадях меня всё равно догонят. И это происходит. Они начинают меня настигать. Не стреляют, видят, что я один и хотят взять живым. Это мне на руку. Подпускаю их ещё ближе, слышу, как тяжело дышат лошади. Поворачиваюсь и даю очередь. Этой очередью спешиваю ближайших всадников.

Жандармы, после очереди из пулемёта и гибели двух своих явно поостыли. Да, они меня преследуют, стреляют, но без особого энтузиазма, на рожон не лезут, пулемёт есть пулемёт. Я бросаю взгляд через овраг и вижу как мои бойцы, отстреливаясь, заходят в лес.

Так уж получилось, что в расположение своего отряда я

прибыл первый и тут же доложил комиссару о случившемся. Комиссар же, вместо расспросов, расстёгивает кобуру и кладёт на стол перед собой маузер. Он смотрит на меня ледяным взглядом. Этот взгляд не предвещает ничего хорошего. Комиссар рычит:

– Где, вверенное тебе отделение подрывников, сукин сын!? Где ты его положил!? Почему ты не лежишь с ними рядом?! Почему не разделил участи своих бойцов, а топчешься передо мной, как мразь навозная!?

– Отделение должно подойти, – говорю я, не понимая в чём дело?

– Откуда подойти!? – продолжает рычать комиссар, – с того света?! Но раз ты утверждаешь, что подрывники живы, даю тебе двадцать минут. Если отделение не появится в расположении отряда через двадцать минут, я тебя расстреляю как труса. Ты угробил отделение и должен за это отвечать. Я тебя расстреляю, не смотря на твои прежние заслуги. Твоё время пошло.

Он снимает с руки часы и кладёт их передо мной. Я стою около его стола навытяжку и молю бога, чтобы ребята не опоздали, и не могу понять, где они задерживаются? Я же видел, как они оторвались от конной жандармерии и втягивались в лес.

Проходит пять, потом десять минут – стрелки на часах двигаются, а отделения нет и нет. Вот уже прошло пятна-

дцать минут. В голову лезут мысли: «Интересно, где он будет меня расстреливать, не в землянке же? Наверное, выведет меня на улицу, отведёт к дереву. На всё это уйдёт не меньше трёх, четырёх минут; затем скажет короткую речь. Набирается не меньше пяти минут. Так это уже не двадцать, а двадцать пять минут. Может быть, ребята успеют подойти за эти двадцать пять минут? Хоть бы успели...

Рассуждения мои прерывает громкий крик снаружи: «Подрывники пришли!». Комиссар тут же вызвал к себе Грача и, узнав от него подробности, положил маузер в кобуру и говорит: «А мог бы и застрелить. Повезло тебе, пограничник. Иди, радуйся жизни, а за подорванный состав всех благодарю».

Только позже я узнал, что в отряд пришёл человек из деревни и сказал про гибель моего отделения. Ему об этом шури́н сказал, что на станции служит, а тому егеря.

Возможно, такой бы реакции со стороны комиссара и не было бы, но перед этим ещё одна группа партизан погибла, вот он и вскипел, увидев меня одного.

Везение двадцатое

Много путей дорог пришлось мне прошагать со своими товарищами. Научился говорить на польском, украинском и белорусском языках. И говорил так, что украинцы принимали меня за украинца, поляки за поляка, а белорусы за белоруса. Это помогало. В деревнях крестьяне охотнее разгова-

ривали с незнакомым человеком, если он говорил, так же как и они и принимали его за своего.

Немало в отделении было потерь в стычках с украинскими националистами и бандеровцами. С ними воевать было труднее всего. Это не то, что немцы, логику и характер которых мы изучили. Эти такие же, как и мы, русские, только с мозгами набекрень. Вот и повоюй с таким противником. От них погиб Лёнька-сорвиголова, они расшифровали, разведчика Володьку и прибили его гвоздями к дереву. Один раз в их расположение, а точнее в траншеи, попал и я со своими ребятами. Думая, что это бойцы соседнего отряда, мы заняли позиции рядом с бандеровцами.

Была ночь, туман, слякоть. По одежде не определить, бандеровцы, как и партизаны одеты кто во что. И только выработанная осторожность не болтать лишнего и знание мной языка западенцев сделали своё дело. Прислушавшись к разговору бандеровцев, я смекнул, кто они такие, и вывел своё отделение из их расположения. Это тоже было большим везением. Ведь достаточно было кому то из отделения заговорить на русском языке, наш вопрос был бы решён мгновенно.

Везение двадцать первое

– История эта восходит к моему довоенному прошлому. Дело в том, что я вхожу в родовое древо игрушечников-глинолепов. Отец мой и дед были искусными игрушечниками, то есть, могли прекрасно лепить саратовскую глиняную иг-

рушку. Умение лепить из глины пригодилось мне в партизанском отряде, и ещё как пригодилось.

В партизанском отряде были ведь не только бойцы-партизаны, но и жители сожжённых немцами деревень, а так же дети-сиротки. Война есть война. Она никого не жалеет ни взрослых, ни детей. Этим сироткам я и лепил игрушки.

После гибели близких, ребятишек надо было выводить из стрессового состояния, а кто это может сделать, как не народная игрушка! Она душу лечит, так ей Создателем заповедано. Вот и лепил я, после выполнения боевых операций, деткам игрушки и их к этому делу приобщал. Нельзя детским душам долгое время находится в угнетённом состоянии, – они от этого стареют.

Пригодилось пограничнику лепное дарование и во вполне боевом плане. Дело в том, что игрушки лепятся как со свистковыми устройствами, так и без них. А уж по лепке свистков он был первый в роду игрушечников. Мог их делать и на два, три и более игральных отверстий, и все в виде разных птиц и зверей.

Музыканты диву давались, как он – простой мужик из деревни, без какого либо музыкального образования, умеет так тонко различать звуки, чего они, с натренированным музыкальным слухом, сделать быстро не могут. Деревенские же мужики смеялись говоря: «Вот, когда у вас будут такие же, как у него лопушистые в оттопырку уши, тогда и будете с

ним тягаться. Он даже незначительный сбой в работе двигателя трактора или комбайна за версту определяет». И это была правда, трактористы не лукавили.

Было правдой и то, что он, находясь в партизанском секрете, по свисту без труда определял, какое боевое подразделение выходит к искомому месту встречи и кто свистит. В этих свистах и лежала вся закавыка. Партизаны этими свистами знак подавали «кто идёт». Только нужды в таких моих способностях пока не было. Одни приходили – свистели кто как мог, другие отвечали точно так же, пока, идя на ответный свист, партизаны не стали попадать в немецкие засады.

Немцы быстро сообразили, что при помощи ложного свиста можно уничтожать не только партизанские секреты, но и целые подразделения. Над партизанами нависла угроза их истребления по частям. Стали думать – как быть? Тут Пётр Андриянович и предложил партизанский свист унифицировать, то есть, сделать так, чтобы партизаны свистели не так кто как может, а использовали свисток с определённым звучанием и сам же вызвался таких свистков из глины наделать. Так появились у партизан свистки с высотой звучания «Ми» второй октавы. А так как, кроме пограничника эту высоту из партизан определить на слух никто не мог, то было решено временно в секрет ставить его с товарищами.

– Разумеется, немцы со своими разношёрстными свистами были разоблачены, – говорит Пётр Андриянович. – На-

поролись они раз другой на партизанские засады, понесли потери и на время оставили эту затею. Казалось, дело было сделано, я снова отправился взрывать железнодорожные пути, а партизанский отряд зажил прежней жизнью. Свистки же в отряде прижились, партизаны к их звучанию привыкли, немного освоились и стали применять в деле.

Немцы, поняв, что с опознавательными свистами что-то не так, дело это не оставили, а подключили к этому делу профессионального музыканта, оказавшегося в их части. В своё время этот немец был мастером-настройщиком музыкальных инструментов и мог делать отличные свистковые устройства. Послушал однажды этот мастер партизанский свист и сделал свисток из дерева с точно такой же высотой звучания. В результате партизаны снова стали нести потери. По свисту они думали, что идут свои, а это оказывались немецкие егеря.

Я снова был отозван из своего подразделения и направлен в секрет с хорошим боевым охранением. Немецких егерей мы ждали в полной боевой готовности.

Вот уже трое суток лежим в засаде и ждём прихода неприятеля. Наконец раздаётся долгожданный протяжный свист с опушки леса. Это условный сигнал. Вскоре он должен прозвучать снова.

Я насторожился, подал знак, чтобы все замерли. Здесь не должно быть ошибки. Моя ошибка – это смерть тех, кто идёт

к нам, или смерть всего нашего секрета.

Напрягаюсь – кто это, свои или чужие?? Высота звучания та же, это как пить дать. Выходит, что свои. Но высоту можно и подстроить... Вижу, как вопрошающе смотрят на меня товарищи. Что-то в этом свисте есть очень подозрительное. Но что? Это что может быть разным. На чистоту звучания могут влиять кустарники, овражки, колыхание крон деревьев и так далее. Лес, это не замкнутое пространство, здесь настройщиков много. Любое дупло может внести в свист свой привкус. Сейчас же необходимо дожидаться повторного свиста и по нему уже более точно определить его принадлежность. Главное, чтоб в это время не протрещала какая-нибудь сорока или иной житель леса не завёл свою песню. Всё это может помешать. Слух настроен, нервы на пределе. И вот он повторный свист.

Что это? «Ми» второй октавы – тут без вариантов, а вот обертона нет. Звук чистый, спокойный. Нет, он такие свистки не делает. Обертоны создают красоту звучания, неповторимость, а здесь?.. Думаю: «Звук похож на шеренгу выстроенных солдат одного роста и комплекции. Слишком чисто. Очень чисто сработал фашист. Немецкая точность и аккуратность сразу видна. Она его и выдала. Нет, не дотянул фриц. А может быть и дотянул бы, если б захотел, да только понимания не хватило или сработало пренебрежительное отношение к противнику, дескать, куда этим лаптёжникам из леса до обертонов. Срезался ты фриц на обертонах. Ой,

как срезался» – и с этими мыслями делаю отмашку товарищам – огонь!

Как потом вспоминал пограничник, сделать эту отмашку было самым сложным. Вот тогда, когда он лежал в зарослях бересклета и вслушивался в шорохи леса у него было одно желание – разоблачить и уничтожить врага. Потом же, после операции, пришло понимание возможности ошибки. «Если б мы вдруг тогда поубивали своих, а не немцев, то я бы домой не пришёл, – говорит пограничник. – Такие оплошности не прощаются, – а затем весело добавляет. – Мы всё таки этих «гансов» вычислили. Ни один не ушёл. Жаль, что среди них не оказалось того, кто свисток смастерил. Мы об этом узнали позже от, захваченного в плен полицая. Он нам про этот свисток и рассказал».

Везение двадцать второе

Это везение отличается от остальных тем, что я и ещё двое моих товарищей были взяты немцами в плен во время выполнения задания, как говорится – с поличным. Нас будто ждали около этой водонапорной башни, которую мы должны были взорвать. Никто из нас не успел сделать ни одного выстрела. Немцы навалились разом, скрутили и повели. Это был явный конец. Мы знали, как поступают фашисты с попавшими в плен партизанами: вначале допросы с избиениями, а затем виселица. Не любили они партизан. Ох!.. не лю-

били.

Задание, которое поручил мне командир отряда, было плёвое. Подумаешь, приказал взорвать водонапорную башню. Это не мост в реку завалить с железнодорожным составом. Это дело мы сделаем на раз-два. Только на раз-два у нас не получилось.

Помню: Ночь. Темень непроглядная. На спине одного из партизан взрывчатка топорщится. Немецкие часовые по освещённому перрону ходят. Доходят почти до самой водонапорки, а потом назад топ да топ. Пока они назад идут можно не только мину заложить, но даже вздремнуть. Наверняка, это нас и расслабило, бдительность поубавилась. Считали себя спецами, потому и прокололись.

А немцы, нас ждали. Ой!.. как ждали. Нам же было невдомёк, что это только кажущаяся простота подхода к объекту. На этой простоте и споткнулись. По-глупому как-то всё вышло. Даже опомниться не успели, а жандармерия тут как тут. Как будто из под земли выросла.

Не знали мы тогда, и командир наш не знал, что для охраны станции и железнодорожных путей к немцам прибыл капитан – специалист по всяким хитростям. Вот он и наставил около станции секреты. К секретам этим провода протянул. Фриц из секрета и не выходит, если партизан заметит, он только на кнопку нажмёт и все дела. В это время на сто-

ле у жандармского дежурного лампочка загорается и звонок нужное количество раз звенит. По количеству звонков определяется номер секрета, к которому скрытно и направляется жандармское подразделение.

Об этой лампочке и секретах рассказал, смеясь мне в лицо, этот капитан. Хочется ведь перед врагом похвастать своей изобретательностью, особенно когда этому врагу осталось жить всего ничего. Капитан этот был не садист, то есть, сам не бил и при себе бить не позволял. Ему это претило. А вот когда он выходил, то Дирк, его подручный, сразу давал волю кулакам. Нет, он не добивался признаний. Признаваться было не в чем и так всё налицо. Побоями он хотел склонить кого-то из нашей троицы на сотрудничество.

Держат нас уже три дня в общей камере. Всего арестованных в ней человек 30-40. Надежд на спасение никаких. Понимаем: пуля или верёвка нам обеспечены. С партизанами не церемонятся. Лежим и просто ждём своего часа. И вот однажды немцы и полицаи быстро забежали по коридору, стали открывать камеры и выгонять арестованных на улицу. Среди арестованных быстро распространился слух о том, что нас погонят на расчистку улиц Минска. Приехал какой-то генерал и выразил неудовольствие по поводу завалов на дорогах в городе. Вот немцы всех под гребёнку и погнали на расчистку, чтобы генералу угодить.

Какую тут роль играл капитан можно только догадывать-

ся. По всей видимости, его мнение никто и не спрашивал, вот нас – партизан и выгнали на расчистку. Прежде чем вывести колонну за ворота арестантов несколько раз пересчитали. Видно что-то там не сходилось.

Охраняли пленных немцы хорошо, мышь не проскочит. Улица, на которой велись очистные работы, представляла собой страшное зрелище. Дело-то было после покушения на гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе.

И сейчас в глазах стоит – на всех столбах раскачиваются повешенные. А под повешенными мы нагружаем тачки с битым кирпичом. В душе стоит ужас, аж волосы на голове шевелятся. Немцы ударами прикладов подгоняют пленных. Того, кто не может быстро двигаться, полицаи подхватывают под руки и, не взирая на крики страдальца, тут же его вешают на ближайшем суку. Это действует, пленные начинают двигаться чуть быстрее, но не на долго. Через какое-то время такая же процедура по ускорению производственного процесса повторяется, но уже в другом месте улицы. Полицаи зверствуют.

– Если мы не уйдём на волю отсюда, то из камер у нас прямая дорога на виселицу, – говорю я товарищам.

– Как же мы, командир, уйдём, – говорит Виктор – дюжий малый, огромной силы. Это он нёс в мешке за спиной тротилловые шашки для подрыва водонапорной башни.

– Как-как? Думать надо. Другого случая попытаться сбежать не будет, – поддержал меня Павел.

– Давайте наблюдать. Может быть, чего и усмотрим для нас подходящее, – говорю я.

Мы притихли, копаем, по сторонам глазами зыркаем. И вдруг под лопатой у Виктора что-то звякнуло. Не привлекая ничьего внимания, он потихоньку отгрёб битые кирпичи и увидел чугунную крышку канализационного люка. Глазами указал на крышку мне. Я кивнул и, приблизившись, шепчу:

– От полицаев надо люк скрыть. Другие тоже люки находят, так там сразу по близости охранника ставят.

– Понял?

Виктор чуть тряхнул зубатой головой.

Найти канализационный люк во время расчистки – была наша мечта. Другим люки попадаются, а нам никак. Но, эти, другие, ими и не пытаются воспользоваться для побега. Нам наконец-то повезло. выдергиваю из вороха мусора двухметровую палку и бросаю её к люку, – пригодится. Павел вытаскивает из завала кусок фанеры и бросает его на люк. Незаметно для немцев сдвигаем крышку люка в сторону, забрасываем её хламом, а отверстие прикрываем фанерным листом. Дальше мы начинаем показывать немцам рвение в работе, а сами ждём подходящего момента.

Через несколько минут близстоящий охранник стал прикладом толкать в спину одного из арестантов и ругаться. Арестант оступается и падает. Охранник бьёт его прикладом. Этой заминкой мы и воспользовались. Мы один за дру-

гим юркаем под фанеру. Виктор спускается последним и задвигает крышку на место. Чугунная крышка встаёт в паз почти бесшумно. Спускаемся на дно канализационного колодца по ржавым металлическим скобам, вмонтированным в стену. Внизу натываемся на трубы с вентилями. Через неплотности в крышке в колодец проникает немного света и можно ориентироваться.

После беглого осмотра колодца, мы понимаем, что из него нет выхода – нет водостока достаточного диаметра, чтобы можно было по нему уйти. Мы промахнулись. В этом колодце находится технологическая развязка труб и не более того. Присмотревшись, замечаем в стене, куда уходят трубы, пространство. Влезаем в него и на ощупь движемся вперёд. Метра через четыре останавливаемся, тупик. На трубе стоит вентиль. Догадываемся – это проход к вентилю. Около вентиля чуть свободнее. В сторону отходит, с полметра глубиной, ниша с перекрытием. Видно для удобства при ремонте. Всё, дальше хода нет. Наша мечта – уйти по канализационному коллектору рухнула. Мы в западне. Что делать дальше – не знаем.

Мы сидим на трубах и понимаем, что у нас выход только один – дожидаться ночи, поднять крышку люка и уйти из города. Но, дадут ли нам немцы и полицаи это сделать? Вдруг хватятся и проверят колодец? А хватятся они обязательно. Начнут после работы пересчитывать людей и обна-

ружат недостатчу.

Мы вслушиваемся в лязганье лопат, удары глыб и кирпичей на верху. Наконец раздаются команды на построение. Сейчас начнётся пересчёт арестантов. Слышно как переругиваются полицаи, бегая из конца в конец колонны. Рядом с их канализационным колодцем разговаривают двое, видно полицаи. Один по голосу молодой, а другой постарше – сипатый.

Молодой: А бис их знае, куды подивались!?

Сипатый: Троих повесили, одного пристрелили...

Молодой: Этих тоже скажем, что пристрелили...

Сипатый: Тебя немцы за враньё сразу и повесят.

Молодой: А где мы их возьмём?

Сипатый: Колодцы надо проверить.

Молодой: Давай смотреть колодцы... Поддевай крышку на том, что рядом.

Сверху заскрежетало, раздаётся удар по крышке, мы мгновенно прячемся в нише. Ещё удар – откидывается крышка люка. Колодец освещается вялым сумеречным светом. Затем слышится чертыхание и пыхтение – в колодец кто-то спускается. По стенам пляшет жёлтое пятно света, это фонарик. Мы втискиваемся в нишу и перестаём дышать. Пятно прыгает по стенам, потолку, трубам и гаснет. Затем раздаётся ворчливый голос молодого: «Нет тут ничего... тупик... нигде не спрячешься». И следом голос Сипа-

того: «Вылезай, Микола,— значит в другую дыру нырнули». После недолгого чертыхания и сопения люк захлопывается. Полицай уходят. Мы облегчённо вздыхаем. Находились на волоске от страшного, но волосок надежды выдержал, и наши души не взлетели к небу.

Только радоваться было рановато. Дождавшись ночи, мы решили выйти из нашего убежища, но не тут-то было — крышка люка не поднималась. Видно на неё что-то навалили или поставили. Положение складывалось критическое. Кричать и бить в крышку люка не будешь. Разумеется, нас вытасчат, но тут же и повесят. Значит надо сидеть до тех пор, пока сверху не освободят люк. А когда его освободят?

— Сами виноваты, — говорит Павел, — столько в завалах валялось всяких железяк от лестничных пролётов, фрагментов от кованых перил, изгородей. Чем не ломики. Сбросить бы в колодец пару, тройку, что покрепче и глядишь — жизнь бы была веселее. Эх, мы — торопыги.

— Что говорить об упущенных возможностях... Сколько раз не скажи слово «лом», он в руках не появится. Не надо об этом... — тихо молвил Виктор. — Вон, командир, палку хорошую к люку бросил, а сюда она не попала.

— Я думал, что здесь воды будет по пояс, чтоб палкой дно проверять... А тут сухо, как у бабки на печке,— отреагировал я на реплику и добавил. — Будем ждать. Немцы народ аккуратный. Они не допустят, чтоб на улице даже одна мусорная куча осталась. Их аккуратность — наша сейчас надежда. Дня

три подождём, а там уж начнём рыпаться, пока сила есть.

«И то верно...» – согласились со мной товарищи.

Мы сидим в темноте на трубах и ждём. Кап – кап – кап – падают капли из под вентиля. Вода питьевая. Подставляем поочередно ладони и пьём. По шуму работ наверху определяем дни сидения в колодце. В голове вертятся неутешительные мысли: «А вдруг они эту кучу мусора за три дня не уберут? Каковы наши действия?». Можно, в крайнем случае, завернуть вентиль. Тогда стопроцентно будут проверять колодцы. Особенно если мы прервём подачу воды в немецкое учреждение. Только, кто придёт проверять колодец? Это большой вопрос. Хорошо если придёт проверять старичок-сантехник. С ним можно договориться и он не выдаст. А если с ним спустится полицай? А наверху останется ещё один. Или подойдут с собакой. Та нас сразу почует. Немцы ведь не дураки.

Прошло два дня. Ночью мы опять пробуем поднять крышку люка. Она начинает двигаться, но только в одну сторону, и то чуть-чуть. Самый сильный у нас, Виктор. Он уже несколько раз поднимался по скобам к люку, но результаты совсем небольшие. Хорошо, что скобы крепкие, не гнутся. Только та, на которой стоит Виктор, стала сгибаться. Под неё мы кирпич подложили.

Мы с Павлом думаем, как помочь Виктору. Один человек, хотя и очень сильный, крышку не сдвинет. Решили по-

пробовать встать на плечи друг другу. Получилось, только нашей пирамиды не хватает – до люка дотягиваемся, а вот, чтоб упереться, то никак. Разбираем в месте, где ниша, кирпичную кладку, там стенка не выложена до конца и сооружаем себе подставку. Павлик, как самый тонкий и маловесный, встаёт мне на плечи и помогает толкать чугуняку. Тяжело, очень тяжело, но надо держаться. Невероятными усилиями мы сдвигаем крышку вбок, но только наполовину. Радости нет конца и края.

Но вылезти трудно. Ощупью определяем – на люк навалился конец толстого бревна. Его не подвинуть, ни поднять. Это он держал и держит крышку люка. Общими усилиями протискиваем наружу Павла. Он у нас самый тщедушный. Павел упёрся в бревно ногами и немного его подвинул. Затем подсунул под него что-то и чуть-чуть приподнял. Этого достаточно, чтобы мы вылезли из нашей тюрьмы-спасительницы.

Мы уходим из ночного Минска. Над нами раскачиваются на ветру тела повешенных. Мы живы, мы идём сражаться.

На Параде Победы

После соединения моего партизанского отряда имени Дзержинского с частями Красной армии, отряд был расформирован, а мы влились в другие подразделения. Из нас, кто-то сразу был направлен на фронт, кто пробыл в отряде менее года, теми занималось НКВД. А вот трактористов и шоферов

сразу выделили в отдельную группу. И это было неслучайно. В это время в тылу формировались две полностью механизированные противотанковые бригады, и водители были нужны позарез. Для этих целей открыли школу подготовки и переподготовки шоферов и всю эту разношерстную массу партизан и непартизан стали учить шофёрскому делу.

После окончания курсов мне дали новенький студебеккер, которого водители называли «Стударь». Я на этом студебеккере стал обслуживать формирующуюся бригаду. В дальние поездки командиры всегда направляли меня. «Этот водитель от бога, – говорили они, – как получил машину – ни одной царапины. Когда бы не приехал с рейса, из гаража не уйдёт, пока машину не отчистит и не отмоеет. Все бы были такие, а то, то согнут, то помнут, то прольют».

Соседняя бригада была сформирована быстрее и её отправили на фронт раньше. А перед тем, как отправлять нашу бригаду, первую уже привезли с фронта по железной дороге вдребезги разбитую.

После того, как наша бригада была сформирована, её отправили на фронт своим ходом. Как сейчас помню – наши студебеккеры с пушками на прицепе, не останавливаясь двигаются день и ночь. И вдруг, днём, в одном большом селении нам навстречу высыпает толпа людей. Это жители посёлка. Мы останавливаемся. Что такое? – на людей не поедешь. Нас и наши грузовики с пушками они начинают осыпать цвета-

ми. От жителей мы и узнали, что война закончилась.

В этот же день нашу, с иголки сформированную бригаду, с новейшей техникой, развернули и направили своим ходом в Москву. Прибыв в столицу, мы узнали, что наша противотанковая бригада будет участвовать в параде Победы на Красной площади.

Машины и пушки мы чистим, моем и подкрашиваем. Весь бензин с баков слит, топливная система промыта и продута. К машинам подвезли бочки с новым топливом. Они все опечатаны. Заливаем в баки новое топливо и их тут же опечатывает НКВД.

Я в составе сводного полка на своём студебеккере еду по Красной площади в первом ряду, третьим справа. За собой мой автомобиль тянет крупнокалиберную пушку, в кузове бойцы. Перед тем как тронуться, чтоб ехать на Красную площадь, командир нашего сводного полка говорит: «Не дай бог вашим машинам заглухнуть во время парада.... Сами знаете».

Веду свой стударь по площади как учили, кошу глаза на соседний автомобиль – надо держать ряд ровным и в то же время соблюдать дистанцию с соседними машинами. Напряжение огромное. Меня потом дети много раз спрашивали о том, чего я там видел? Отвечаю – да ничего я там не видел, кроме оконного проёма соседнего автомобиля на который равнялся. Что там можно было увидеть? Скользнул один раз

взглядом по трибуне и точка. Оконный проём соседа для меня был важнее всего на свете. Точнее, его вертикальный и горизонтальный срезы. Вертикальный срез должен не отставать и не уходить вперёд, а горизонтальный не должен ко мне приближаться или отдаляться. Вот такая наука. Нас там учили, как держать равнение. Только я свою методику придумал на тренировках. Мне так было удобнее. Ко мне инструктор вопросов не имел.

Потом было очень важно, чтоб мотор при нажиме на педаль газа тяговито тянул, без сбоев, без рывочков, иначе устанешь подстраиваться. Ты чуть-чуть газу прибавил, а он и осёкся. На практике же так получается – твоя машина резко замедляет ход, а потом рывком бежит вперёд. Это ничего, когда ты один по дороге едешь, а когда на твой автомобиль равняются другие водители? Вот то-то и оно... Весь ряд заколыхаться может. Такое недопустимо. Машины должны идти как одно целое, будто перед ними нитку выравнивающую натянули.

Мы тренировались долго. Как нам говорил инструктор: «Мы тренируемся не потому, что ездить в ряду не умеем. Все вы уже хорошо держите строй. Мы тренируемся затем, чтоб ваши нервы привести в порядок, чтоб эта езда, в ряду, для вас стала обычным делом, тогда вы весело и за рулём будете сидеть, без напряжения и дёрганий».

«А как вы узнаете, готовы мы или не готовы?» – спрашиваем инструктора. «А ваши гимнастёрки выдают. В начале

обучения, после тренировок, у вас гимнастёрки были мокрые, это от внутреннего напряжения, а теперь сами видите. Конечно, во время парада полностью спокойными не будете, не та ситуация», но всё же».

Проходим площадь без сучка и задоринки. Нам аплодируют, а мы, вцепившись в руль, держим дистанцию. Наконец Красная площадь позади, облегчённо выдыхаем, но на взгорке одна из машин всё-таки глохнет. Думаю, что водитель перенервничал, сказалося перенапряжение. Эта машина не из нашей бригады. Заглохший автомобиль мгновенно, даже не пытаясь заводить, берут на буксир и выдергивают из колонны, а в это время по площади идут и идут другие сводные полки.

* * *

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел рассказать о своём отце. Сражался он храбро. Ещё находясь в партизанском отряде, был награждён орденом Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени. Но орден он не получил, а когда его спрашивали об этом, отвечал: «Самолёт, видно, с документами не долетел, сбили». Только Пётр Андриянович был неправ. Самолёт долетел и наградной лист доставил. Только назад награду он не привёз. Что тогда случилось, неизвестно. А вот в архиве эта награда за Петром

Андрьяновичем значится, этот наградной лист разыскали в архивах тоже следопыты.

Сярод членаў партыі знаходзіцца:

Парэкламны фарміраванне

1 4 4 4 4 4 4 4 4 4

Парэкламны фарміраванне ў 1 4 4 4 4 4 4 4 4 4
 Парэкламны фарміраванне ў 1 4 4 4 4 4 4 4 4 4
 Парэкламны фарміраванне ў 1 4 4 4 4 4 4 4 4 4
 Парэкламны фарміраванне ў 1 4 4 4 4 4 4 4 4 4

Парэкламны фарміраванне

Партыя Беларусаў

Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў

Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў

Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў

Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў

Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў
 Партыя Беларусаў

Наградной лист на партизана отряда им. Дзержинского П. А. Африкантова. В нём перечисляются военные подвиги бойца.

С участием в Параде Победы пограничнику, можно сказать, тоже повезло. Хотя, отец и его товарищи тогда так не считали. Всем хотелось поскорее домой, а здесь задержка и муштра. Разумеется, справок бойцам, об участии в этом грандиозном событии, никто не выдал. Им это было и не надо. Все радовались тому, что разгромили фашистов и остались живы. Но, это было тогда, а как обстоят дела сейчас?

24 июня 1945-го года на одном из этих студебеккеров, с крупнокалиберными пушками на буксире и солдатами в кузове пограничник и партизан Пётр Андриянович Африкантов проехал по Красной площади. При жизни он сам, смотря хронику с парада, указывал именно на эти машины. Жаль, что их показывают всего несколько секунд и не в полном объёме.

Скриншот с хроники Парада Победы на Красной площади.

Совсем недавно вышла книга с названием «Победители и наследники», автор Николай НАД. В ней перечисляются имена бойцов, участвовавших в Параде Победы. Отца в этой книге я не нашёл. Тогда я связался с автором издания по телефону, и он мне поведал о том, что в книге обозначены далеко не все участники знаменательного события, что всех найти довольно сложно, да теперь ему уже и здоровье не позволяет это сделать. Однако, если кому-то интересно, могут поискать. Есть главное – название и номер полевой почты бригады. Известно, что она противотанковая.

По всей видимости, часть военнослужащих бригады вошли в сводный полк, который и прошёл по Красной площади. Если б знать название сводного полка, то было бы всё просто. А если это неизвестно, то всё, оказывается, довольно сложно. «Я в книгу включил, – говорит он, – только тех, кто был командирован на Парад с фронтов, согласно приказам.

В Параде Победы участвовало много частей, которые находились и в тылу. Например, бригада твоего отца. Она была сформирована, но до фронта не дошла. Значит фронт, или армия её не могли направить в командировку в Москву. Тогда, кто это сделал? Кому она в то время подчинялась? Вопросы больше чем ответов».

Да, вопросов больше чем ответов. Однако есть списки сводных полков, известно, что это был моторизованный сводный полк с противотанковыми пушками крупного калибра. Не хватает только его точного названия. Как видим, информации достаточно много.

Послесловие

Умер Пётр Андриянович 30 июля 1993 года в г. Саратове, оставив после себя двух детей и четырёх внучат. Он всю жизнь проработал в родном колхозе им. Ф.Э. Дзержинского трактористом, растил хлеб и был этим доволен. Его трактор МТЗ-5 помогал пограничнику обрабатывать поля. В районной газете «Сельская жизнь» от 1 октября 1968 года о бывшем партизане была напечатана статья «Партизанскими тропами», автор В. Макаров.

В своей деревне Малая Крюковка Пётр Андриянович жил до последнего часа её существования. В 1970 году деревни не

стало, и пограничник переехал жить в областной центр, в город Саратов. В городе Пётр Андриянович работал в во-

енизированной охране завода тяжёлых зуборезных станков.

10 июня 1983 года в доме Петра Андрияновича произошло неожиданное событие – приехал корреспондент областной газеты «Коммунист» Владимир Вардугин. После его беседы с пограничником в газете от 19 июня 1983 года № 183 в рубрике (Люди и годы) появилась статья «Судьба солдата».

— Люди и годы

СУДЬБА СОЛДАТА

В гости к ребятам, занимающимся в клубе юных техников «Слутника» подшипникового завода, пришел ветеран войны Петр Андрианович Африкантов. Удивительно судьба солдата, и мальчишки с большим интересом слушали его рассказ.

М. ЛУБОЦКИЙ,

директор клуба юных техников «Слутника»

В ДЕНЬ Победы у Африкантовых собрались гости. За стол сели в саду, под цветущими яблонями. Петр, сын Петра Андриановича, включил транзистор. Передавали концерт для фронтовиков.

Повезло ей, повезло ей,
повезло,

Оба сына
возвратились в село
— звучало песня. А когда
умолк ее последний аккорд,
Петр Андрианович заметил:

инде.

И каргуд летом 1944 года
раздался стук в окно: «Письмо!»

— Уж не с Ефимом ли
что? — с тревогой подумал
Андрюша Ларионович и, раз-
вернув треугольник, обомлел:
увидя почерк младшего сына.

В который раз чител Басятна,
соседский пацан, скупив стро-
ичины письма, а старики и де-
вушки, сбжавшись со всей
деревни, слушали: «Нахожусь
сейчас в партизанском отря-
де». Петр... Вильдя

ым. Даже тогда, в 1943 году,
когда он совершил дерзкий по-
бег из немецкой тюрьмы в
Минске на глазах у охранника.
Лишь в двух местах продыря-
вило рубашку пулеметной оче-
редью.

— Незадолго до этого он и
его товарище-партизаны взор-
вали нефтебазу. Их схватили.
Страшно пытали. Ничего не
добившись, отправили на ра-
боты: разбирать развалины.
Тут Петр и решил риснуть.
Опыл побега у него уже был.
Первый раз бежал из концла-
гера в августе 1941 года, едва
остав на ноги после ранения.
С тех пор он был партизаном.
В 1943 году пришел в крупный
партизанский отряд имени
Дзержинского. После того как
они соединились с Советской
Армией, выдали Петру боевую
характеристику: «За время
пробы в отряде имеет
на своем счету вражеских взор-
ванных мостов — три, же-
лезнодорожных мостов —
три. Участвовал в разгроме
вражеских гарнизонов Бере-
зюкка, Вересково, во многих
засадах, боях и стычках с про-
тивником, в операциях по
уничтожению железнодорож-
ных рельсов. Проявил себя
дисциплинированным, смелым
и инициативным бойцом».

Перед наступлением Совет-
ской Армии партизаны Бело-
руссии за одну ночь взорвали
рельсы от Барановичей до
Минска.

Петр Андрианович — тогда
еще молодой, ему было чуть
больше двадцати лет, — ко-
мандовал отделением. Сколь-
ко раз ходил и в разведку, и
в бой со своими товарищами,
местность знал — как окрест-
ности Малой Крюковки, где
прошло его детство. Поэтому
сразу же, как партизаны со-
единились с частями нашей ар-
мии, его направили в истреби-
тельный батальон: очищать леса
от мелких групп немцев.

Работал и в МТС — бойцы
помогали восстанавливать ме-
стным колхозам машины и
тракторы. Но как ни стаскова-
лись руки по мирной работе,
война еще продолжалась, и он
стремился снова попасть на
фронт.

А воевать больше не при-
шло. Пока учился в автошколе
на шофера, пришла радо-

Статья В. Вардугина в газете «Коммунист» за 19 июня 1983 года. Сканер.

Преамбула к статье звучит так: «В гости к ребятам, занимающимся в клубе юных техников «Спутник» подшипникового завода, пришёл ветеран войны Пётр Андриянович Африкантов. Удивительная судьба солдата, и мальчишки с большим интересом слушали его рассказ». Подпись – М. Лубоцкий, директор клуба юных техников «Спутник».

В статье В. Вардугина кратко описывается боевой путь партизана-пограничника. В целом, она объективна. Да и автор внушает уважение. Сейчас В. Вардугин член союза писателей России, автор многих книг краеведческого направления. Михаил Лубоцкий, детский писатель, обладатель почётного звания «Заслуженный учитель РФ».

Созваниваюсь с М. Лубоцким. И тут он мне говорит, что существует фотография встречи Петра Андрияновича с детьми. Она вклеена в альбом и что эту фотографию можно переснять прямо со страницы альбома.

Встреча пограничника-партизана с детьми в клубе юных техников «Спутник» в Заводском районе г. Саратова. 1983 год.

Это была удача. Еду к Михаилу Александровичу и сканирую старую чёрно-белую фотографию с не менее старого альбома и помещаю её в приложение. Это важно, ведь пограничник, выйдя на пенсию, не просто сидел перед домом на лавочке, а проводил встречи с детьми, рассказывая им о службе на границе, начале большой войны, плене, побеге и так далее, всё по порядку.

Уж что-что, а пограничник умел рассказывать. Происходя из рода сказителей и сам будучи сказителем он рассказывал так, что у мальчишек и девчонок замирало сердце, а воображение детей оживало настолько, что у многих на глазах появлялись то слёзы радости, то слёзы грусти, то мелькали в глазёнках искры восторга, и умилительная улыбка покрывала лица в конце встречи.

Похоронен Пётр Андриянович, как и завещал, на кладбище в родной деревне. На гранитном памятнике, которое ему поставило министерство обороны, написано:

*Он добрым был,
Любил Россию,
Косил луга, которые вокруг,
Пахал поля и сеял ниву
И был прекрасный муж, отец и друг.*

Только на этом биография Петра Андрияновича не заканчивается. Она продолжается в его внуках и правнуках. И здесь главным воспитателем поколений выступает дом, семья и семейные фотографии, которые никуда не прячутся. Так фотографии двух братьев Африкантовых: Петра Андрияновича и Ефима Андрияновича, участвовавших в Великой Отечественной войне, висят в доме на стене.

Из семьи Африкантова Андрияна Илларионовича на

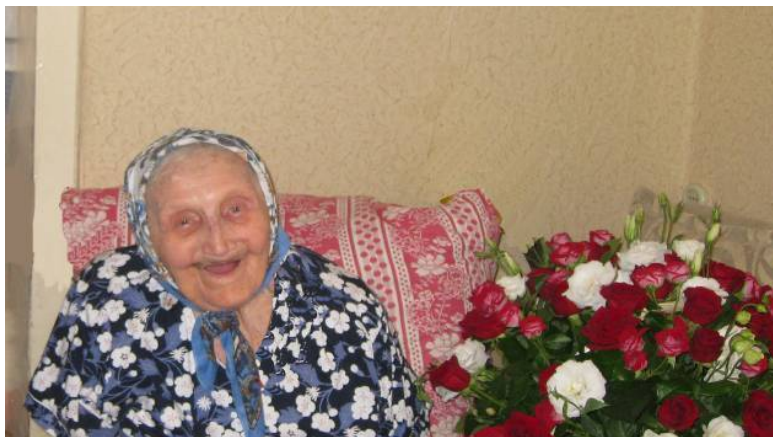
фронте было два сына, оба были в самом пекле, остались живы и вернулись в родной дом. Пропал без вести только муж дочери Пахомов Николай Петрович.

Здесь же висит фотография их отца Африкантова

Африкантов Ефим Андриянович – брат Петра Андрияновича, орденносец, доброволец, миномётчик, участник Курской битвы.

Андрияна Илларионовича, награждённого серебряным Георгиевским крестом ещё в Первую мировую. В свою

29 июля 2020 года Пелагее Ивановне Африкантовой исполнился 91 год. У неё светлая голова и отличная память. Она хорошо помнит военные годы и невзгоды. А ещё она помнит, как Пётр Андриянович пришёл с войны. В деревне было много девиц, но он выбрал её и вскоре они поженились. До

последней минуты жизни мужа они были вместе.

очередь, его дед Африкант Андреевич участвовал в войне 1812 года и о нём тоже помнят. Правда, его фотографии, по понятным причинам, нет.

Помогает помнить о них и летопись семьи. Создано родословное древо, которое восходит к 1718 году. Рассказы о выдающихся представителях рода опубликованы в книге «Сказки о Саратове», книга третья. В настоящее время внуки и правнуки Африкантовых участвуют в патриотической акции «Бессмертный полк». Как видим, семье есть кого чтить и на кого равняться.

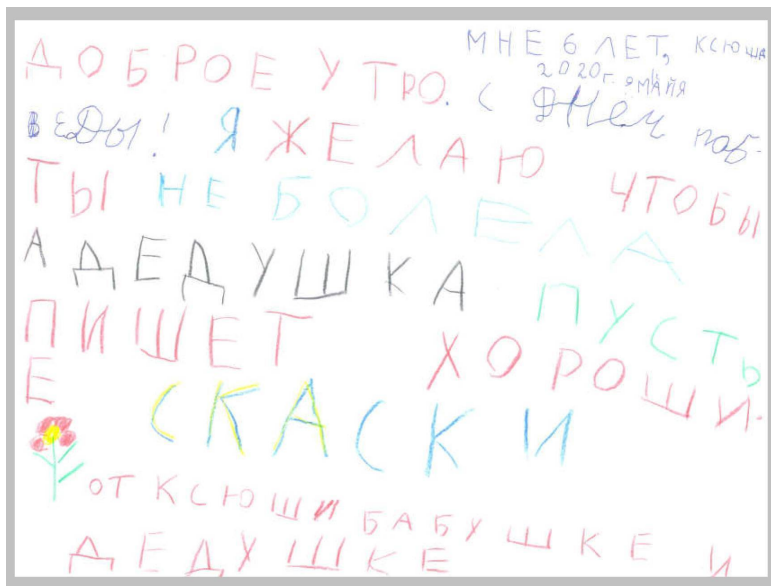
Бессмертный полк. В первом ряду, слева направо, сын пограничника и партизана П.П. Африкантов, правнучка А.В.Козырева, и боком, справа, стоит внучка О.Н. Козырева. В руках у Петра Петровича две фотографии – своего отца и тестя И.В. Ковалёва. Саратов 2018 год.

В День Победы порадовала бабушку с дедушкой (то есть меня и мою супругу) самая младшая в семействе Африкантовых – внучка Ксюша.

Внучка Петра Петровича, Ксения, читает дедушкины сказки и очерк «Пограничник» о своём прадедушке, Петре Андрияновиче. 2020 год.

Она по собственной инициативе написала поздравление с великим праздником на листе А4 (Письмо смотри ниже).

Об этом никто в семье не знал. Написала, как сумела, ведь ей всего шесть с половиной лет, но она уже бегло читает. Когда я это поздравление увидел, то растрогался и непременно включил его в книгу. К нему не нужны пояснения. Оно са-

мо за себя говорит. Ксюша, узнав, что её поздравление будет опубликовано, тут же его подписала.

И совсем неожиданно пришла информация об отце, откуда и не ждали. Сосед напротив Лексин Николай Степанович (1933 г.р.) после прочтения очерка проговорил:

– А нам с женой Андрияныч говорил, что он четыре моста взорвал, а у тебя написано, что три.

– Я, дядя Коля, опирался на то количество, которое указано в наградном листе.

Николай Степанович Лексин во время беседы.

– Вот и плохо, что ты только на наградной лист опирался, – проворчал он. – Меня бы спросил, или Лиду мою. Нам Андрияныч вот на этом крыльце рассказывал, как от этих взрывов поезда в речки ныряли вместе с цистернами, танками, грузовиками и людьми. Там пламя облака лизало и от взрывов уши закладывало, а потом, стон стоял, от которого нутро выворачивало, так отец твой нам рассказывал, а ты

мне про наградной лист твердишь...

Видно было, что он не на шутку рассердился. Мне стало неловко, я замялся. А Николай Степанович помолчав, добавил. – Он что, после этого представления к ордену, не воевал что ли?! У тебя так получается...

– Во-е-вал. – Опешил я от такого напора.

– Правильно... Воева-ал! И тем же делом занимался... Вот тебе и четвёртый мост. Так что исправляй свою писанину. Твой отец был справедливый, врать не умел. А вот воевать – умел и хорошо умел, иначе бы домой не вернулся.

Я понял, что это, возможно, последняя весточка об отце, которую я не имею права не донести до читателей. Мы с Николаем Степановичем, стоим перед окном в его доме и смотрим в окно. А по проезду крадётся весна. Поблёскивают на сугробах проталины, мартовский ветерок шевелит ветки вишен. На улице всё как всегда и жизнь продолжается.

Из 19600 пограничников, встретивших гитлеровцев 22 июня на направлении главного удара группы армий «Центр», в первые дни войны погибли более 16000

26.03.21 г.